

Глеб Бобров

Прозаик, драматург. Родился в 1964 г. в Красном Луче. Автор нескольких сборников очерков и рассказов, романа «Эпоха мертворождённых». Председатель Союза писателей ЛНР. Живёт и работает в Луганске.

ГРУППА ВЕКслЕРА

Киноповесть

Основанная на реальных событиях история о группе ворoshiловградских оперов УГРО, противостоявших в 1946 году банде душегубов в Каменном Броде.

*Оперсоставу УГРО посвящается
Отдельная благодарность ветера-
ну УГРО, участнику боевых дей-
ствий в Афганистане и на Северном
Кавказе подполковнику милиции
в отставке Анатолию Яковлевичу
Воронину*

Глава 1. В областной «резалке»

Майский утренний холодок бодрил не по-весеннему, при этом бригада работяг, корчевавших неохватный пень под самой стеной приземистого одноэтажного барака, обливалась потом. Большинство корячились с кирками и лопатами, обкапывая в недоброй луганской степи толстенные корни. Двое рубили со своих сторон два несущих корневища, некогда державшие ствол опрокинутого неподалеку замшелого тополя. Рядом ждал своего часа старенький колесный трактор со свернутой на подвесе удавкой троса. Бригада трудилась сосредоточенно, молча и зло — лишь сталь топоров смачно всаживалась в древесину, жестоко клацали кирпичи да шуршали летящие в стороны щепы и комья грунта.

На стоянке между больничными корпусами остановилась машина, откуда вылез сухопарый подтянутый мужчина лет сорока пяти. Его коротко стриженные светлые волосы были наполовину седы. Элегантная, по меркам первого послевоенного года, цвета ореха тройка сидела на жилистой, не очень высокой фигуре как влитая, а небольшая коричневая шляпа хорошо сочеталась с крепкой бамбуковой тростью и добротными кожаными башмаками. Далеко не новые, но ухоженные вещи смотрелись на нем безупречно. С левой стороны груди, чуть выше кармашка, крепились орденские планки — четыре ленточки сверху и две снизу. Вузовский значок сиротски синел справа.

Он осмотрелся, закинув трость на левую руку, открутил крышку бутылки, сделал несколько глотков и мотнул головой водителю, мол, двигай за мной.

Прошел мимо пыхтевших неподалеку работяг и, чуть прихрамывая, направился по асфальтовой дорожке ко входу.

Там, в двадцати шагах от дверей, чего-то ждал высокий мосластый милиционер с крупной рыже-черной немецкой овчаркой, неподвижно восседавшей у его правой ноги.

— Собака пить хочет, старшина, — обратился к нему мужчина, заметивший, как она несколько раз нервно облизнулась.

— Проходим, товарищ... — безучастно ответил кинолог.

— Товарищ майор, — остановившись, поправил мужчина.

Взгляд старшины скользнул по его фигуре и вдруг уперся в чуть выпиравший под правой полкой пиджака контур пистолетной кобуры.

— Виноват, товарищ майор, — вытянувшись в струнку, ответил он.

Офицер, чуть приподняв бутылку, посмотрел на собаку и вопросительно — на старшину.

Милиционер лишь молча кивнул в ответ.

Мужчина, присев на корточки, показал овчарке раскрытую ладонь левой руки и бутылку с водой. Собака, до этого внимательно наблюдавшая за происходящим, чуть потянула носом воздух и подняла глаза на хозяина. Кинолог неуловимо качнул головой. Собака потянулась к руке, и майор сразу начал лить воду в ладошку.

Похожий на здоровенный ломоть чайной колбасы язык жадно заработал, разбрасывая в стороны бисеринки воды.

Офицер двинулся к дверям, аккуратно поставив возле урны у входа пустую бутылку. Его уже догонял розовощекий сержант в синей форме.

* * *

На столе прозекторской лежало на спине обнаженное тело. Справа оно покрылось бурыми струпьями. С двух сторон от трупа негромко переговаривались майор милиции в форме и мужчина в штатском. Двое в белых халатах, а также молодая женщина с фотоаппаратом в кителе лейтенанта и капитан молча слушали старших.

Дверь в зал морга областной больницы открылась.

— Товарищи офицеры!

— О, Векслер! — приветствовал вошедшего стоявший ближе всех ко входу мужчина в штатском.

— Здравствуйте, Петр Петрович, — пожал тот ему руку в ответ.

— Спасибо, что быстро приехал, — сказал майор в форме. — Итак, коллеги! — встав перед столом, начал он. — Приказом по областному УВД сформирована оперативная группа УГРО. Ей поручено дело о пропавших девочках. Общее руководство возлагается на начальника Ворошиловградского ГОВД. — Он на мгновение замолк, а Петр Петрович утвердительно кивнул головой. — Группой руководит майор областного отдела УГРО Векслер. Также от областного управления придан майор Сретенский — я координирую взаимодействие вашей группы с оперативниками и службами других отделов внутренних дел области, города и районов. Вопросы?

Все молча ждали дальнейших указаний.

— Честь имею, — кивнул Сретенский. — Товарищ подполковник, я уехал? — обратился он к Петру Петровичу.

— Да, спасибо, майор, — попрощался с ним начальник городского ОВД и, дождавшись, когда тот выйдет, чуть ослабил строгий галстук, после чего спросил у Векслера: — Ну, что скажешь, Жень Палыч?

Заметно опираясь левой рукой на палочку, Векслер подошел к телу и внимательным, буквально считывающим взглядом прошелся по трупу с головы до ступней.

— Классика...

Все переглянулись.

— Поясни.

Векслер чуть приподнял правую ладонь и повернул голову к судмедэкспертам.

— Эдик, ранение ануса?

Полноватый мужчина удивленно поднял бровь.

— Да, дядь Жень... Колото-резаная рана с рассечением сфинктера, прямой кишки и, вероятно, предста...

Векслер поднятой ладонью с растопыренными пальцами остановил поток подробностей.

— А ссадина или синяк в подколенной области правой ноги?

Замерев на долю секунды, судмедэксперт подошел к трупу, поднял правую ногу тела и заглянул под коленку.

— Кровоподтек на икроножной мышце...

— Классика, — повторил майор, неопределенно поведя рукой.

Петр Петрович зыркнул исподлобья.

— Ну, не тяни резину, Женя!

— Армейский прием, неуставной способ снятия часового. Захват рта и носа с синхронным ударом ножа в анус, подбивом правой ноги в подколенный сустав с посадкой на колено и ударом ножа в правое подреберье. Потом два-три добивающих удара в соединение шеи и плеча с поражением сонной и подключичной артерий, а также яремной вены, — закончил майор.

— Прошу прощения за глупый вопрос, но в жопу-то зачем? — вдруг спросил капитан, стоявший рядом с начальником ГОВД.

Векслер вопросительно посмотрел на подполковника.

— На улице вас познакомлю, это твой зам по группе, — ответил тот.

— Удар ножом в богатую нервными окончаниями область дает эффект шока. В народе говорят: задохнулся от боли.

— Послушай, не слишком ли это все сложно? — перебил подполковник. — Ножом туда, ножом сюда, рукой рот закрой, ногами педали жми... У меня в отряде был разведчик,

так тот полицаев и дойчей одним ударом валил, как раз куда ты показал, в шею, што свиней колол, — даже не хрюкали, — улыбнулся он.

— Так ваш разведчик, поди, лось под два метра и работал чем-то с маузеровский тесак размером?!

— Ага, — криво улыбнулся начальник ОВД. — Лось... И да, кстати, манлихером валил, — закончил он.

— Приём быстрый, на самом деле, — ответил майор и, обернувшись, позвал прилипшего к дверному косяку водителя: — Влад!

Тот улыбнулся и, делано втянув голову в плечи, подбежал к Векслеру.

— Эдик! — майор указал рукой на кюретку в лотке с инструментами прозектора и, дождавшись, когда криминалист подаст стальную ложечку с ручкой, встал напротив сержанта и продолжил: — Сзади, кстати, заходить вовсе не обязательно. Здравия желаю, товарищ полковник! — вдруг сказал он, вытянувшись во фрунт.

Водитель лишь успел повернуть голову к пустому дверному проему, как Векслер буквально вырос у него за спиной и, положив руку на плечо, сказал: «Замри!»

— Они могли мирно разговаривать, но потом подозреваемый воспользовался моментом и атаковал.

Майор уверенным движением перехватил лицо сержанта ладонью левой, одновременно ударив того справа кюреткой в зад, и тут же, наступив краем каблука на икру под коленом, стремительно имитировал атаку в подреберье и два удара в шею. На все про все ушло не более секунды.

— Полегче, дядь Женя! — морщась, потер ногу сержант.

— Владлен, собирай народ на улице, инструктировать буду, — отдал распоряжение водителю подполковник. — Женя, я понимаю, что пропавшие девочки и... — он поднял лежащее на столике дело, — убийство гражданина... Трофимова, замначальника Ворошиловградского ж.-д. вокзала по АХЧ... административно-хозяйственной части! — подчеркнул он поднятым указательным пальцем, — 62 лет, ранее не судимого, не привлекавшегося и прочая, на первый взгляд, как бы не особо сочетаются. Но ты поверь старому оперу, какая-то связь тут обязательно присутствует. Вот какая — вопрос. Для чего, собственно, тебя, Векслер, к нам и прислали на усиление. Усиливай, старик!

Петр Петрович, пропустив вперед криминалистов, закурил с Векслером и указал на капитана.

— Знакомьтесь! Туманов, Никита Степанович. В органах — почти как у тебя выслуга, правда, без фронта. У нас по ротации, прибыл с Волги...

— Волга большая, — чуть прищурился Евгений Павлович.

— От родных Чебоксар до самой Астрахани, — ответил капитан.

— Мужик толковый, головастый, правда, предпочитает... кабинетный стиль работы, — плотоядно улыбнувшись, продолжил начальник ГОВД. — Надеюсь, сработаетесь.

— У меня вопрос к товарищ-майору, пока мы не начали, разрешите, Петр Петрович?

— Валяй...

— Вы примерно представляете оружие, которым был убит Трофимов?

— Почему примерно? — ответил вопросом на вопрос Векслер. — Нож разведчика или подобная по размерам финка.

— Как вы это определили без заключения судмедэксперта?

— По соответствию внешнего вида ран и использованного способа перевода гражданина из статуса «потерпевший» в статус «тело гражданина».

— Ты не ерничай, Женя! Нормально объясни человеку, правильно же спрашивает, — вмешался подполковник.

Векслер затаился и прицельно отправил окурочку в стоящую в паре шагов урну.

— Первое. Чем учился, с тем и пригодился. Обучали его на нож разведчика. Он не новичок, это не первая его жертва. Значит, будет работать, чем обучен. Второе. Колото-резаная рана в подреберье идет с потягом на себя, значит, держал нож правильно, лезвием вверх. Нож разведчика так и сделан. Третье. Чуйка...

— Теперь понятно. Спасибо, товарищ майор!

— Так! У меня тоже вопрос! — вмешался начальник ГОВД. — Векслер, что ты делал вчера между полночью и часом ночи?!

— Офицеры улыбнулись. — Согласен, кстати, очень похоже, — подытожил он, — идемте, с остальными познакомлю...

Милиционеры расступились перед руководством.

— Все посмотрели на гвардии старшину Узлова и его замечательную собаку Фриду, — представил начальник ГОВД кинолога группе. — Старшина — один из самых опытных специалистов, присланный нам на усиление из Красного Луча. Спасибо Сретенскому! Фрида — единственная в своем роде, такого верхнего чутья нет ни у одной служебной собаки на всю Ворошиловградскую область.

Старшина неуверенно кашлянул.

— Что, Николай?

— На весь Союз таких два-три пса, — ответил он.

— Вот, запоминай остальных. Плакида, — подполковник кивнул в сторону невысокого, но крепко сбитого старея в форме, в фуражке на гладко выбритой голове, — официально в группу не включен, но будет помогать вам в случае подключения оперов городского ОВД. А вот начальник отделения участковых инспекторов Каменнобродского РОВД капитан Дробот как раз-то включен, несмотря на все свои художества... Да, Валек?! — начальник полоснул взглядом по сразу напрягшемуся капитану.

— Так точно, товарищ подполковник...

Петр Петрович повернул голову к Векслеру.

— Приятель твой никак не утомонится, — он еще раз выразительно зыркнул на участкового. — Приглядывай за ним, пожалуйста, за него теперь — с тебя спрос.

Вихрастый капитан, поправляя форму и ремень с наганом, чуть заметно подмигнул Векслеру. Майор в ответ едва потеплел уголками глаз.

— С криминалистами все и так знакомы, а я уехал в управление. Жду группу ровно в одиннадцать ноль-ноль на первый разбор полетов... с докладами! Будет больно, но вы со временем привыкнете, а кому-то даже понравится...

Он еще раз зло глянул на Дробота и кивнул майору:

— Командуй, Женья!

— Чего это он опять?

— Да никак мне не простит, что я того урку с Гартманской приморил до прибытия Плакиды, — улыбнулся Валек.

— Я понял... Сломать обе челюсти... Это — пять с плюсом, что тебе еще сказать...

— Да мне все уже рассказали, и даже с картинками, как в детском садике!

— В форме, на службе... Чего плачешь?!

— Да я так... В жилетку тебе пожалиться, дядь Жень, — откровенно заржал капитан.

Майор внимательно посмотрел на собаку. Рослая и крупная в груди, с мощным лбом и широкими лапами овчарка все это время неподвижно сидела чуть поодаль с диском смотанного в круг брезентового повода у ног. На шее красовался кожаный ошейник с толстыми стальными квадратами, словно черепица, приклепанными на него внахлест по кругу.

— Похоже, Фрида не только «в верхнее чутье» умеет? — отметил вслух Векслер.

— Фрося все работает, товарищ майор, — буркнул в ответ старшина.

— Фрося?

— То не я ее называл...

— Понятно, — Векслер дружески хлопнул его по плечу, — я тоже немецкое... не очень.

Он повернул голову к Дроботу:

— Бери Николая и собачку, дуй к себе, и чтобы они оба были устроены до начала совещания. Одна нога там, одна — здесь.

— Все будет путем, командир! Устроим в люксе шик-модерн, — засмеялся капитан, заводя свой мотоцикл.

Узлов неуловимым движением отдал какую-то команду. Собака, подхватив пастью поводок, аккуратно запрыгнула в коляску, а старшина, кинув туда еще и свой вещмешок, уселся на заднее сиденье.

— Давай знакомиться, капитан. Время есть. — Векслер, щелкнув кнопкой, протянул раскрытый портсигар Туманову.

Мельхиорова коробочка с выдавленным на крышке бо-
рющимся с тигром витязем, судя по проступившей по всем
углам желтизне, прошла бок о бок с владельцем немалый срок.

— Спасибо, не курю, — капитан, особо не прячась, рассма-
тривал нового напарника. — Кстати, мы на «ты» или на «вы»?

— На «ты», конечно, что за вопрос, опер? — закуривая,
улыбнулся майор.

Никита присмотрелся к наградным планкам.

— Что за медали после ЗБЗ*?

— Будапешт, Вена, Прага...

— А последняя внизу?

— «За победу над Японией».

— Да, точно! Ты был в Японии?

— В Маньчжурии...

— Круто. И в ногу там же?

Векслер, не сводивший до этого внимательных глаз с со-
беседника, затянулся и после краткой паузы ответил:

— Два осколка в Венгрии. Но то такое... Потом — пуля. Там
же. Полтора сантиметра кости — в труху, ногу, как рожде-
ственскую утку, раскрыло. — Он помолчал. — Во дворце Хор-
ти в госпитале лежал. Мраморные ванны. Красота... Но ты
мне лучше скажи, чего Пэ-Пэ тебя макнул вместо «здрасьте»?

Капитан широко улыбнулся:

— Да то мы с ним разговор долгий поимели по поводу сти-
ля работы. Он у вас предпочитает поле и ноги, а я считаю,
что опер УГРО должен в первую очередь работать с делом, с
вещдоками, вникать в малейшие детали и нюансы.

— Я понял. Ты у нас кабинетный ученый?

— Ну, где-то, может, и так, только если не утрировать, —
примирительно улыбнулся Никита.

— В преф умеешь?

— Да нет, не очень, — удивился Туманов. — Семья, все
такое... Жена, две девочки-погодки, свой бабский батальон.

— Семья — это хорошо. Правила-то хоть знаешь? Понима-
ешь, где игра втемную, а где карты на стол?

— Конечно!

— Тогда вскрываемся! — вдруг с нажимом отсек Векслер. — Пропали две девки молодые. Чую, что с концами. Убит замнач вокзала. И четко шлепнули, профи работал. Ты с Пэ-Пэ поговорил, но, видимо, не понял. Завтра с нас начнут снимать стружку, — он сделал глядящий по воздуху жест, — причем без наркоза, и подполкан вовсе не шутит про «больно». С него с первого спросят. Тогда уж не поздоровится всем — ты просто мало его знаешь и ведешься на эту ровную вежливость. Мне в группе астрономы не нужны. Или мы пашем и рвем сядюгу, либо я тебя тупо снимаю с расследования. Таков весь сказ до копейки. Твой ход, капитан!

— Пашем и рвем, — спокойно глядя в глаза майору, ответил Туманов.

* * *

Когда сзади послышался шум автомобильного мотора, тяжело шедшая по проселку женщина остановилась, поставила корзину, опустила стоймя завернутые в простыню лопату и тяпку и, выставив козырьком ладошку, посмотрела на приближающуюся полуторку. Потом взяла свои вещи и сошла на обочину.

Машина сбавила ход и остановилась рядом. Совершенно седой старик, сидевший возле шофера, поздоровался. Она ответила, с интересом разглядывая двух мужчин.

Старик раскрыл карту и что-то спросил. Женщина улыбнулась, отирая пот со лба, а потом подошла к двери машины и заглянула в открытое окно. Седой ткнул пальцем в карту. Тетка махнула рукой по курсу, а потом, ласково тронув старика за плечо, о чем-то попросила. Он окинул ее взглядом и прикрикнул на водителя.

Шофер вылез, неторопливо потянулся, открыл задний борт и тоже внимательно посмотрел на женщину. После чего, ловко запрыгнув в кузов, протянул руку. Она подала ему тяпки, кошелку и, встав на стальную петлю, протянула руки. С усилием втянув женщину в кузов, он осмотрелся, потом дважды завернул сложенный на полу кузова брезентовый тент, помог ей сесть спиной к левому борту и показал рукой на угол кабины. Кивнув, она улыбнулась.

Водитель еще раз подоткнул под нее брезент и показал пальцем на край кузова перед кабиной. Женщина повернула голову. В это время шофер выдернул правой рукой из-под брезента плоскую киянку и наотмашь ударил ее в затылок. Тетка, охнув, стала сползать вниз. Он нагнулся и второй раз огрел ее по темечку. Тело, конвульсивно задрожав, тут же обмякло.

Шофер сложил рядом с женщиной вещи, накрыл все брезентом и, осматриваясь, встал в полный рост. Постоял, глядя по сторонам, потом закрыл кузов и забрался в кабину. Старик еще какое-то время осматривался в лобовое стекло, окна и зеркала заднего вида, после чего утвердительно кивнул. Машина поехала, оставив на месте стоянки едва заметную растянутую лужицу.

Глава 2. Железнодорожный вокзал

— Сейчас будут новости, — негромко сказал Векслер, так, чтобы его слышал только капитан.

От здания городского управления им навстречу быстро шагал Петр Петрович, по привычке придерживая левой рукой отсутствующую на боку шашку.

— Еще одна пропажа, встречаемся позже, — сообщил офицерам подполковник.

— Девушка?

— Нет, женщина. Пятьдесят восемь.

— Ух ты...

— Вот и я о том же... — Он махнул рукой старлею: — Садись в машину, Плакида, сейчас едем! — И, вновь повернувшись к операм, продолжил: — Сейчас солдатики прочесывают посадку между городом и Металлистом. Ушла на огороды и не вернулась.

— Затопчут...

— Давай ты это прокурору расскажешь, хорошо?! Меня есть кому... — он выразительно замолчал. — Ладно, перекурим. Ты со мной?

— Нет, Петр Петрович. Заберу своих, и поедем потрошить вокзал.

— Вот за что я тебя люблю, Женя, так это за умение слышать. Наизнанку и не стесняясь, вцепись в дело, как ты умеешь, — всей пастью.

Майор внимательно посмотрел на Туманова.

— Если вы не против, Петр Петрович, капитан от вашего имени даст команду собрать все дела о пропажах людей, начиная с момента освобождения города, и заодно попросит Сретенского, чтобы подобные дела свезли сюда со всех пяти городских районов, а также из Александровского и Славяно-сербского РОВД.

— Не против... — подполковник поднял лицо вверх, выпустив в небо столб дыма.

— На пару с Эдиком сравнишь, включая сегодняшнюю ориентировку по пропавшей. Работа для мыслителей. Накопайте хоть какую-то взаимосвязь, кроме Камброда. Как ты там говорил — нюансы и детали? Ну вот, как раз, — обратился майор к напарнику.

— Есть, — спокойно ответил Туманов. — Разрешите идти?

— Давай, капитан. Очень на тебя надеюсь, — ответил начальник ГОВД и, повернувшись к Векслеру, хлопнул того по предплечью. — Как вернешься, сразу ко мне. Удачи!

* * *

На платформу Ворошиловградского железнодорожного вокзала можно было попасть с двух сторон: между пустырем и брусчаткой подъезда, где, собственно, и было обнаружено тело Трофимова, или со стороны основной дороги с упирившимся в саму платформу поворотом тупика.

Пока Векслер разглядывал разношерстную группу нищих, стоявших аккуратно между подъездом и самым началом платформы, Дробот зацепился с торговками, оккупировавшими дальний выход на остановку.

— Сколько раз говорить: со своими оклунками на платформу не вылазить?! Схватили рухлядь и сдрыснули на фиг, как мухи с собачьей какашки!

Он развернулся к старшему сержанту с красной повязкой на рукаве:

— Тебе, сержант, сколько напоминать?! Они у тебя скоро самогоном в разлив торговать начнут.

— От домахався. Шоб у нього в горли пирья поросло, — негромко сказала своей товарке молодая, немного потасканная торговка.

— Что ты там сипишь, перддявочка?! — развернулся к ней капитан. — Уля! Язык не с того места выдернула? Да, глистоноша?! Сейчас заведу такую умную в дежурку, задеру твоё жизнерадостное платьице венерической расцветки и отхожу ремнем — до кровавых волдырей на плоской жопе! Поговори мне еще тут, овца базарная...

Он повернулся к сержанту:

— Всех за территорию вокзала. Быстро!

— Капитан, — окликнул его Векслер, в упор рассматривая нищих, — всех знаешь?

— А как же...

Немногочисленная группа вокзальных попрошаек выглядела достаточно живописно. Двое калек-ветеранов. Один, опираясь на костыль, стоял на ступе деревянного протеза согнутой в коленном суставе левой ногой. Короткая культя поверх поношенного галифе была затянута носком. На груди тихо позвякивали две медали — «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией». У второго не хватало кисти правой руки, а красное, как вареный рак, предплечье, словно клешня, от запястья почти до самого локтя было разделено хирургом на два длинных пальца лучевой и локтевой костей, которыми он нервно тер теперь штанину никогда не глаженных брюк. На его рубахе вразнобой висели четыре наградные планки: две в сцепке и еще две порознь. Рядом топтались три испытые тетки, та, что помладше, — с синдромом Дауна, и несколько алкоголиков разной степени опущенности.

— Как жизнь, босота?!

— Сидим, пердим — небо коптим, начальник, — лениво ответил за всех инвалид с клешней и протяжно зевнул.

— Он ряженный, — вдруг сказал майор, не сводящий сверлящего взгляда с калеки.

— Конечно, дядь Жень! — заржал участковый. — Старый знакомый, в смысле состариться можно, его похождения пересказывая.

— А чего старый-то? Чего?! — взъерепенился вдруг мужик. — Я у тя шо-то крал?! Шо ты с меня жизнью цедишь? — заорал он благим матом на весь вокзал.

Дробот чуть набылчился, опустил голову и сделал ровно один шаг.

— Ща приморю, падаль... Захлопни поддувало!

Мужик тут же заткнулся и, как-то разом выдохнув и сгорбившись, полез в нагрудный карман рубахи за папиросами.

— Старшина! — повернув голову, позвал Векслер. И когда тот подошел, скомандовал: — Этого — в дежурку!

* * *

В полуподвальном помещении дежурной части линейного отдела железнодорожной милиции, уютившейся с противоположного от платформы глухого торца вокзала, осталось пятеро: два офицера, кинолог с собакой и истеричный инвалид.

— Ну, колись: из-за чего в этот раз кальсоны в жопу забились, а? Чё пасть разнуздал при людях? Просохнуть не успели или на кочергу сел, синяя рожа? — терзал капитан заметно трясущегося мужика.

— Валентиныч! Хлебом клянусь! Штырит меня... Траванулся вчера чемером*, паскудно мне... Прости, родной, бес попутал!

— Мне такую родню, как ты...

— Валек... — перебил его вдруг Векслер. — Тут спиртное продают где-нибудь?

Участковый удивленно посмотрел на майора.

— Конечно, дядь Жень, в буфете за кассами...

— Узлов, не в службу, а в дружбу... — отсчитывая деньги, обратился оперативник к старшине. — Метнись, пожалуйста, с Фросей на вокзал и купи один мерзавчик водочки. Прямо сейчас! — Векслер отдал ему деньги и добавил вслед уходящему кинологу: — И пирожок какой у бабок. Сейчас мы тебя полечим, — обратился майор к мужику.

Буквально через пару минут перед попрошайкой появился стограммовый пузырек и пирожок с капустой.

Отказавшись от стакана, тот буквально высосал водку из горлышка и лишь понюхал разломанный пополам пирожок.

— Харчами брезгуешь? — недовольно пробурчал Дробот.

— Закусь градус убивает, — пояснил нищий.

— Отпустило? — участливо поинтересовался Векслер.

— Ну, не так, шоб сразу, но дыхание в нашем организме теперь присутствует, — ощерился гнилым ртом собеседник.

Сидящий на кромке стола майор накренился к самому его лицу.

— Рассказывай. Почему ты так испугался, когда нас увидел?

Нищий заерзал на кресле.

— Твой испуг как-то связан с убийством замначальника вокзала?

Тот замер.

— Да я тут ваще не при делах, начальник! — чуть согнувшись, просипел он.

— Чего шепотом, кого боишься? — поднял брови Векслер.

— Не томи, гунявый! — вмешался участковый. — Ты не партизан в гестапо. С твоей-то красной рожей и глазами срущего лесника выглядишь совсем жидко. Будешь косить на вольтанутого — закрою в пердильник, посмотрим, сколько ты протянешь без своего стенолаза, — кивнул он на пузырек.

Мужика заметно трясло.

— Еще соточку? — участливо спросил майор.

Тот, икнув, лихорадочно качнул головой.

— Командир, расслабься, — остановил полезшего вновь в карман майора Дробот.

Офицер вышел на перрон и буквально через минуту вернулся с дежурным старшиной. Тот, густо покраснев, полез рукой за настенную панель и выволок оттуда запечатанную сургучом чекушку.

— Соточка сейчас, остаток с собой, премия... Но ты нам рассказываешь все и не пытаешься соврать. Договорились? — приготовился налить в чистый стакан Векслер. — Или, клянись, мы тебе жизнь капитально испортим.

Мужик опять судорожно кивнул и впился глазами в пузырик.

* * *

Опергруппа, уместившись в легковушке областного отдела УГРО, легко катила по весеннему Ворошиловграду.

— Шила?

— Ага, Юрок Шилин, босяк с Горской. Все никак не закрою утырка. — Дробот недобро улыбнулся. — Чую ж ведь, крутится мелкий выпердыш в какой-то гнилой теме, а прихватить повода не было. Да... И за вокзал я не подумал, а его оттуда калачом не выманишь. Ну, теперь не спрыгнет. Душу с этого сучонка я сегодня-таки выну... И пусть молится, чтоб взад поставил, — заржал участковый.

— Валек!.. — начал было Векслер.

— Да помню я, помню, командир!

— Смотри мне... — Оперативник вдруг повернул голову к Узлову: — Старшина, почему у тебя собака все время с правой стороны?

— Левша я, товарищ майор.

— Это я заметил. Как же ты наган вытаскиваешь?

— Да вот мой наган, — кивнул он на Фросю. — Сорок два патрона в обойме.

Собака, понимая, что речь о ней, чуть наклонила голову и впилась в хозяина преданным взглядом.

— Лады, уверен, что найдешь?

— Да что его искать-то? — хмыкнул капитан. — Раз не на вокзале, значит, или в Горького, либо у стадиона пиво дует. Ты не волнуйся, все сделаем, дядь Жень.

Высадив Векслера у Каменнобродского РОВД, участковый не вытерпел и высунулся в окно.

— Палыч! А как ты понял, что Клешня — ряженный?

— У него одновременно за Берлин и Прагу, — бросил на ходу майор.

— Вот же ж, — засмеялся капитан, и группа укатила в сторону городского парка.

* * *

Скромно приютившаяся с угла стоянки парка имени Максима Горького, прямо напротив декоративной колоннады, машина оперативников не была видна целиком со стороны немногочисленных гуляющих, зато вход и центральная аллея парка из автомобильных окон просматривались милиционерами просто насквозь.

— Вон он, наш герой, — участковый кивнул головой на шумную группу молодежи возле пивной палатки. — Восемь,

девять, десять... Нет, этот не с ними... Девять... Девять рыл, — подытожил он.

— Не похожи на уголовников, — подумал вслух Узлов.

— Та то мы, дружанчик, прямо сейчас выясним. Ты со стволом, Владушка?

— Да, товарищ капитан... У вас за сидушкой.

Участковый перегнулся через заднее сиденье, выволок ППШ и, отдав его сержанту, напомнил:

— Еще раз, бойцы! Владлен кладет толпу харей вниз, если кто возбухнет — очередь над головой и команда «лежать-бо-яться». Я нежно беру Шилу за жопу. Он в сером пиджачке и картузике — всем видно? Да, да — вот это жидкое, круче-но-верченое, чернявое. Если пойдём в нештатную, то Фрося работает только по подозреваемому.

Капитан осмотрел группу:

— Да, надо было нам в цивильном выходить... Ну да ладно, пошли...

Выйдя из машины и неспешно переговариваясь, они двинулись по центральной аллее.

Дробот занял позицию слева — со стороны группы с Шилой. Влад чуть приотстал справа, чтобы раньше времени не светить автомат, висевший на правом плече по-охотничьи, стволом вниз. В центре возвышался Узлов с собакой.

Метров за пятьдесят до пивной их заметили, компания притихла, а шагов за двадцать Фрося вдруг выступила чуть вперед и, подняв нос, шумно потянула воздух. И тут у Шилина не выдержали нервы.

— Шухер! — взвизгнул он и рванул наискось по парку.

— Стоять! — дико заорал капитан и кинулся за ним, придерживая на ходу фуражку и вырывая из кобуры наган.

В ту же секунду, стелясь около его ног, мелькнула черно-бурая тень Фроси.

За спиной участкового остались крики милиционеров и лязг передернутого затвора ППШ.

Овчарка и правда умела многое. На невероятном, пружинистом галопе быстро догнав мчавшегося сломя голову парня, она без единого звука, буквально выстрелив, пролетела пару метров и, словно городошной битой, снесла его с ног, успев на лету основательно вцепиться в ляжку — взяла всей пастью чуть выше колена.

Парень истошно взвыл, но, не растерявшись, тут же попытался со всего замаха засадить ей меж лопаток выдернутую из-за пазухи заточку. Фрося все видела. В неуловимое мгновение она отпрянула чуть назад и в сторону и тут же с хрустом ухватила парня за вооруженную руку. И рванула на себя с такой звериной мощью, что тот вначале захлебнулся собственным криком, а потом, словно борец на ковре, начал, вереща, плашмя молотить левой ладошкой по траве.

Дробот и старшина подлетели практически одновременно.

— Сторой его, пока я со шпаной разберусь, — на ходу убирая револьвер, скомандовал участковый Узлову, бравшему на привязь собаку.

Шила, скрутившись калачиком, тихо поскуливал на травке.

Восемь парней с руками на затылках молча лежали в кружок на залитом пивом асфальте под прицелом Владлена, и ни о каком неповиновении или попытках разбежаться речи больше не шло.

* * *

Перевязанный бинтами Шилин со спущенными штанами и окровавленной, скомканной рубашкой совершенно не походил на преступника. Двадцатилетний худощавый, среднего роста мальчишка производил впечатление типичного обитателя послевоенного Камброта — такой себе молодой раб-ботяга паровозостроительного или патронного завода.

Войдя в коридор камер предварительного заключения, майор остановился, разглядывая задержанного. Тот, ссутулившись, сидел боком на табурете, баюкая порванную руку.

— Нарядно! — оценил старший группы внешний вид парня и его багрово-лиловую половину лица с отеком до узкой щелочки правым глазом. — Валек, мы ж договорились вроде...

— Кхм... Дядь Жень, вооруженное сопротивление, попытка к бегству, покушение на убийство... — неуверенно начал участковый.

Тут кашлянул вытянувшийся по стойке «смирно» кинолог.

— Виноват, товарищ майор. Моя вина. Осерчал, — пробубнил Узлов.

Векслер вопросительно повернул голову к Дроботу.

— Да эта шелупонь чуть Фросю не пришила, ну, наш старшина ему свет и потушил... — И, повернувшись к кинологу, участковый взвился с пол-оборота: — Колян, ты лопатой в следующий раз по роже лупи, а не своей грабаркой, хорошо?! Со всех меньше спроса будет!

— Тихо, — негромко остановил их оперативник и, подойдя к столу, поднял за острие и торец рукоятки заточку.

— Видал, с какими свиноколами шпана ныне ходит? — повернулся он к участковому.

В руках опасно темнел штык от трехлинейки, переделанный в подобие стилета. Роль рукояти выполнял пропи- таный мебельным лаком шнур, намотанный сразу за спи- ленным креплением, а вместо гарды была насаженная по горячему шайба с загнутыми к лезвию боковыми дужками. Вторая сплюснутая шайба выполняла роль импровизиро- ванного навершия.

— Практически мизерикордия, или как оно там, в ляд, на- зывается, — оценил поделку капитан.

— Угу... Вызови сюда Эдуарда Константиновича, — ки- нул старший группы дежурному и подошел к заметно сжав- шемуся Шилину.

— У тебя ровно пять минут, чтобы подумать, а потом бы- стро ответить на несколько моих вопросов. Или продолжить знакомство с нашей собачкой и ее хозяином. Понял меня?

Задержанный затравленно смотрел на оперативника.

— Эдик на выезде, что нужно сделать? — раздался сзади женский голос.

— Возьми заточку на столе и пиджак. За пазухой, под ле- вым рукавом, по шву вшиты брезентовые ножны. Сними с клинка пальчики и исследуй брезент на предмет следов крови. Только все это надо сделать очень быстро, — кинул Векслер вошедшей Зое.

— Все прям сейчас отработаю, Евгений Павлович.

Подождав, пока она выйдет, майор повернулся к дежурному:

— Перекур пять минут, сержант.

Взяв второй табурет, сел напротив Шилы. Опершись обе- ими руками на тросточку и немного наклонившись вперед, спросил:

— Почему ты зарезал Трофимова?

Шилин диковато оглядел офицеров, комнату, кинолога с собакой и с широко раскрытыми глазами прошептал:

— Я его не резал...

— Хорошо подумал?

— Клянусь мамой, не я. Мы с ним собачились пару раз, но это не мой грех. Не я его колол.

— Так кто? Скажи.

Парень вдруг сжался и опустил глаза.

— Я понял, — вставая, отрезал опер. И, повернувшись к участковому, отрывисто бросил: — Не бить. В рапорте укажете три атакованные конечности.

Он мотнул головой Дроботу: мол, идём.

Перед самой дверью их остановил истошный вой. Шила, корчась от боли, на коленях полз к ним и, мешая сопли с юшкой, голосил:

— Всё, всё расскажу, начальник, всё!!!

Фрося, подобравшись, замерла в своем углу, вопросительно пожирая глазами Узлова.

* * *

Отдышавшись и выпив подряд три стакана сырой воды, Шилин с ходу заявил:

— Убил не я, кто — не знаю... Но это Криндычихина работа, больше некому.

Векслер посмотрел на участкового.

— Криндычева, тварина жирная. Самогонная герцогиня Камброда. Все уворачивалась, теперь не отпетяет...

— Я ее знаю?

— Может, и знаешь, — неопределенно пожал плечами Дробот, — такая гренадер-баба типа «ходячий сортир». Старая лярва...

— Дальше?! — повернулся майор к задержанному.

— Он, как пришел на вокзал, сразу стал порядка наводить, ну и нам всю работу ломать...

— Какую работу, Шила?!

— Ну, торговлю... Самогон, снедь всякую, нэп наш ломать...

— Ух ты, нэпманы! Слышал, Валек? Твою ж дивизию... Сколько самогона вы продавали за сутки?

Парень затравленно посмотрел на опера и замолчал. Затянувшуюся паузу прервала знатная затрещина, чуть не швырнувшая Шилина на пол.

— Задрал цедить по чайной ложке! Отвечай по-хорошему, или я тебя вначале сам измордую, недоносок, а потом в СИЗО посажу к пиковым. Даже если ты оттуда выйдешь, то ходить будешь ссутулившись и застенчиво потупив зенки. Говори, падаль!

— Да шо я?! Я там ваще никто, только присматривал за копеечку... И тёток лупили иногда, — захныкал уголовник.

— Ещё раз: сколько самогона проходит в сутки? — вернул разговор в нужное русло Векслер.

— Два-три ящика, может, больше, да я не знаю точно!

— Каких тёток ты там избивал?

— Пришлых, что торговать пытались мимо смотрящих.

— Кто смотрящие?

— Нюрка главная.

Майор поднял глаза на капитана.

— Дочка Криндычихина, — ответил участковый. — Ты гляди, в люди выбилась. А я думал, эта шлендра только мохнаткой своей барыжить умеет...

Старший группы встал, подошел к столу дежурного и поднял трубу.

— Дежурного по ЛОВД, — бросил он диспетчеру. — Старшина, ты?! Отлично! Слушай сюда. Дуй на перрон, задержишь Нюрку Криндычеву — и к себе её, мы сейчас приедем. Только так — без шуму! Мол, погугарить надо, подруга. Дескать, по делу. Деловой вопрос, все такое... Не вспугни товарок! Ага, вот-вот, молодец!

Положив трубку, он повернулся к задержанному:

— Ты там кто?

— Так, охраняю чуток, ну или там погонять кого надо, побазарить, тёрки там потерять...

Раздался телефонный звонок. Векслер вновь встал и подошел к аппарату.

— А когда будет? М-м-м... Ладно, старшина, не отходи от телефона.

Майор обернулся к Шиле:

— Чего не сказал, что её днём не бывает?

— Ну так это... Вы не спросили...

Оперативник жестом остановил шагнувшего было вперёд участкового.

— Кто рулит нэпом в отсутствие Нюрки?

— Лысая, — презрительно скривился парень, придерживая израненную руку.

Старший вновь встал и пошел к телефону.

— Ульяна Лыско... Мелкая шмакодявка, что пасть свою сегодня открыла. Такая же шмара, как и Нюрка, только без жопы, — прокомментировал капитан.

— Старшина, Лыско тогда бери. Тоже по схеме Нюрки. Вежливо, но настойчиво веди поговорить. И не отпускай, пока мы не приедем!

— Где Нюрка живет?! — развернувшись, бросил он Шиле.

— Не знаю, я у неё не ночевал...

— Та кто ж тебе даст, задрот?! Говори точнее! — встряхнул его за ворот Дробот.

— Где-то на МЮДа... — заскулил Шила.

— Жень Палыч! Где живёт Криндычиха — знаю, а та сучка либо у неё обретается, либо где-то рядом, они там все кучкуются, всей своей самогонной слободой.

Уже на выходе Векслер спросил:

— А где остальные?

— Так мы, кроме крысёныша, никого не брали, — ответил участковый.

— Почему?

— Та то ж центряковские пацаны! Он их благовал в какой-то мутный движняк вписаться, а те — просто пацанва, не при делах...

— В камеру! Никого к нему не подсаживать. И врачей не звать... Мы еще не закончили, — кинул майор напоследок дежурному.

* * *

— Ещё стучим? — спросил участковый, прислушиваясь у высоких ворот усадьбы.

— Входим, — скомандовал Векслер и расстегнул кобуру.

Участковый осмотрел ворота и, не найдя тайной щеколды, пошел вдоль забора. Выбрав место, он с разбега взлетел на самый верх и, оглядевши двор, прыгнул вниз.

Старший группы удивленно посмотрел на бесцеремонно отодвинувшего его в сторону Узлова, зашедшего в открытые ворота первым. Собака на мгновение потянула носом и уверенно увлекла кинолога во двор усадьбы.

— Держишь улицу и ворота, — отдал на ходу приказ Владлену майор, и, вытащив оружие, офицеры двинулись к дому.

— Хм, двор без собаки, а будка на двух... — Оперативник огляделся и кивнул капитану.

Милиционеры по очереди скользнули в оказавшиеся незапертыми двери большого дома. Пройдя веранду, вошли в центральную прихожую, куда со всех сторон смотрели дверные проемы из кухни и комнат.

Первым привлек внимание слоноподобный шкаф, занимавший весь правый угол. Векслер показал глазами: «Давай» — и участковый аккуратно приоткрыл створку. Весь шкаф — от пола до антресолей — был забит рядами поллитровок с сургучными головками. Офицеры переглянулись. Во дворе мощно рывкнула Фрося.

— Вот веришь, чуял! — зло сплюнул старший группы и, раздраженно сунув свой трофейный «штайер» в кобуру, развернулся на выход.

Грузное тело Криндычихи лежало у дальнего дровяного сарая, откуда, несмотря на легкий ветерок, отчетливо тянуло брагой. Под ней натекла лужа почерневшей крови, неестественно выгнутая в суставе нога указывала куда-то вправо.

— Ищите Нюрку, — кинул майор Узлову и повернулся к капитану. — Не отпетляла твоя хабалка. — Оглядевшись по сторонам, он указал подбородком на тело: — Узнаешь почерк?

Участковый лишь кивнул в ответ.

— Валек, ты Плакиде давал адрес?

— Да.

— Когда собирался выезжать?

— Та следом...

— Нюрка где-то здесь. Найдете, оформите, а я погнал на жэдэ.

— Сам?!

— С Вадиком и ПППШ...

Из дома гулко гавкнула Фрося.

— Вот и Нюра. Еще одно легкоранимое сердце...

Узлов стоял над люком закрытого погребца и осматривал розетку с подвешенным рядом на гвоздь витьем двух проводов со штепселем на конце. Векслер кивнул и, включив свет, милиционеры подняли ляду погребца.

В самом низу лестницы головой вниз, скособочившись, лежало переломленное тело дочери Криндычихи. Задравшийся халат оголил толстые ляжки и испачканные в предсмертной агонии трусы. Под головой убитой образовалась целая лужа крови.

— Найдешь ее сожителя с детьми и родней. Всех под охраной — в управу, — кинул на ходу майор.

* * *

Уже смеркалось, когда к торцу вокзала подъехал мотоцикл с коляской. Нищих не было, лишь с десятков торговков, гомоня, ждали московского поезда.

Один из приехавших, тридцатилетний парень в армейской гимнастерке, вышел на платформу и о чем-то переговорил с торговками. Те сразу стали расходиться. После молодой человек вернулся к товарищу.

Перекурив и взглянув на часы, мужчина в пиджаке и расшитой рубахе навыпуск подхватил из коляски корзину. Пара двинулась в дежурное отделение.

— Вы к кому, товарищи?! — попытался остановить их на входе сержант, но парень в гимнастерке молча ткнул ему армейским «вальтером» в подбородок и, ухватив свободной рукой за ворот, спиной вперед втокнул в кабинет.

Старшина, увидев гостей, успел вскочить, но, упершись взглядом в направленный на него ствол в перфорированном кожухе, лишь молча поднял руки.

Ульяна, сидевшая на стуле напротив старшины, мраморно побелела и, откинувшись на спинку, вцепилась посиневшими костяшками в юбку на бедрах.

Подталкивая пистолетом, сержанта поставили под стеночку в угол рядом со старшиной. Засунув «вальтер» за поясицу, парень поднял корзину, в которой его товарищ пронес автомат. И пока тот держал милиционеров под прицелом, показал Лыско глазами: мол, доставай.

Загипнотизированная Ульяна, словно сомнамбула, двумя руками медленно вытащила и по очереди поставила на стол три поллитровые бутылки самогона.

Отставив принесенную корзину, парень подошел к дальнему столику и забрал оттуда объемную кошелку женщины.

Вновь вытащив пистолет, он посмотрел на часы. Раздались звуки подходящего состава. Оба бандита бесцветными, прозрачными глазами равнодушно, но уверенно смотрели на милиционеров.

Паровоз выполз на платформу и, закутавшись в облако пара, дал гудок. Первая же пистолетная пуля на выходе вынесла женщине затылок, а жирная очередь буквально перешибила по груди обоих милиционеров.

Глава 3. Острая Могила

Векслер не успел. Когда он примчался на вокзал, в дежурной уже работали криминалисты, а оперы Плакиды пытали персонал и потенциальных свидетелей.

— Петрович в бешенстве... — успел шепнуть старлей на входе.

— Насколько я понимаю, все свидетели зачищены под Котовского? — спросил начальник городского ОВД. — У нас с тобой начинаются веселые деньки, Женя... Мало никому не покажется. Порадуешь чем-нибудь? — добавил он.

— Думаю, к ночи соберу все до кучи, и что-то проявится, — ответил майор, осматривая комнату.

— Постарайся, пожалуйста... К тому времени, как нас с тобой начнут свежевать, хорошо бы иметь хоть какую-то версию, — подполковник безрадостно посмотрел на тела.

Два убитых милиционера лежали в углу, навалившись друг на друга. Мелкая Лыско так и застыла сидя, запрокинув простреленную голову за спинку стула.

Эдик кивнул Зое и обратился к офицерам:

— У меня что-то непонятное...

Все повернулись. Аккуратно взяв обработанную алюминиевой пудрой бутылку со стола, криминалист поднял ее вверх, к свисавшей с потолка лампочке.

— Посмотрите. Мы видим отпечатки пальцев и ладоней двух рук — и больше ничего. Словно эту бутылку принесли по воздуху и впервые вручили в руки.

— Понятно, что подстава! — ответил подполковник. — Дактилоскопируй бутылки в корзине, небось, стерильные, — мотнул он головой.

Блеснула вспышка фотоаппарата Зои.

— Что по баллистике?

— Да как-то пока еще не разобрались, надо гильзы и пули смотреть, но то — не раньше утра, — ответил Эдуард Константинович. — С пистолетом понятно: выброс гильзы соответствует немецким образцам армейского оружия. С пистолет-пулеметом есть вопросы. Все гильзы — там. — Он указал влево.

— «Бергман»...

Офицеры повернулись к Векслеру.

— Пистолет-пулемет Бергмана. Стоял на вооружении полиции, гестапо, вспомогательных отрядов, — пояснил майор.

— Думаешь, надо МГБ подключить?

Старший опергруппы неопределенно пожал плечами.

— Ну так сам ведь говоришь: тема полицаев нарисовалась?

— Не знаю пока, Петр Петрович, слишком много фактажа и смертей сразу. Надо собрать мозги и материалы до кучи...

— Собирай. Там твой Туманов, похоже, даже отлить не выходил. Ройте. Как будете готовы — жду опергруппу на процедуры. Ночевать сегодня на стульях будем.

* * *

— Надеюсь, ты в курсе наших дел, — зайдя в кабинет оперсостава городского ОВД, рухнул на стул Векслер. — Сам-то нарыл хоть что-то?

— Да, я знаю общую канву. По подвижкам тоже есть что доложить, товарищ майор, — встал ему навстречу офицер. — Кажется, мы установили мотивацию...

— Предельно внимательно слушаю... — Он повернул голову к входящему в комнату участковому: — Валек! Организуй, будь ласка, чай или хотя бы кипятки с сахарином — маковой крошки в рот за день не упало...

Как только участковый исчез за дверь, Туманов стал зачитывать свою сводку.

— Последняя пропавшая женщина — 58 лет, расчетный вес около ста килограммов. Девушки в розыске — 70 и 75 килограммов соответственно. Ушедший из дома и не вернувшийся два месяца назад подросток с кожзавода — 81 килограмм... Мальчик борьбой занимался, вес известен с точностью, — добавил он.

Векслер поднял ладонь с растопыренными пальцами, и Туманов замолчал, ожидая реакции руководителя.

— Сколько всего пропавших ты скомпоновал по новой вводной?

— Восемь.

— Все корпулентные?

— Меньше семидесяти нет ни у кого...

— Период?

— С середины февраля 1946-го.

— Твою ж дивизию! — выпрямился Векслер на стуле.

Повисла тишина. Майор закурил.

— Дай посмотреть... — Майор взял из рук напарника исписанный фиолетовыми чернилами лист и вчитался в таблицу. — Докладывал Пэ-Пэ?

— Нет.

— Почему?

— Тебя ждал.

— Зачем?

— Ну, ты же старший группы.

— Степаныч, ты обиделся?!

— Да нет, Жень Палыч, субординацию блюду.

— Субординацию... — Он потянулся и взял трубку зазвонившего телефона. — Да, мы готовы!

* * *

Опергруппа в полном составе расположилась за т-образным столом начальника городского ОВД. Отсутствовала только Фрося, но и то Петр Петрович, то ли всерьез, то ли пытаясь разрядить обстановку перед началом совещания, спросил, куда дели собаку.

Со стены за спиной руководителя на милиционеров спокойно и доброжелательно, чуть прищурившись, взирал министр внутренних дел СССР генерал-полковник Круглов. Сергея Никифоровича качественно выписали маслом на классическом бордово-фиолетовом фоне. Строгая рама также соответствовала обстановке и вкупе с тяжелой, основательной мебелью, высокими окнами за зелеными портьерами и повисшей в кабинете звенящей тишиной создавала атмосферу фундаментальности и готовности к буре.

— И как, ухайдокались? Или еще повоюем? — спросил начальник, кладя на стол прочитанный рапорт Векслера.

Оперативники неопределенно шевельнулись на своих местах.

Петр Петрович, закурив, выпустил в потолок густой папиросный дым. Остальные молчали.

— Версия рабочая, даже не буду спорить. Шилина приняли красиво и заслуженно, тоже не в претензии. Однако проблема в том, вот это вот все — лишь «взагали по загалям» для нашего руководства... Чернила на бумаге. Наши великие — полковник, прокурор, партийное руководство, в конце концов, они же зададут простой и понятный вопрос: где убийцы — на воле, в морге или в каталажке? Вот и все. Что мы им ответим? Наш умница Эдуард Константинович выйдет перед строем и блеснет своим невероятным образованием — греков древних им цитировать начнет?

Подполковник театрально простер левую руку и хорошо поставленным голосом вдруг изрек:

— О боги, вы, взираючи с Олимпу! Носитель горестных вестей, упавши ниц, взывает к снисхождению!

Остальные молча потупились.

— Не смешно, правда? Вот и мне тоже не весело, потому что наш добрый отец-полковник возьмет нас всей гурьбою за ушко и ласково прошепчет каждому персонально: «Друг мой ситный, ты не понимаешь, что происходит? Я тебе сейчас расскажу...» Убиты милиционеры. Два милиционера... — Голос подполковника вдруг окреп, налился чугуном и зазвенел, рикошетируя от потолка и оконных стекол. — Убиты при исполнении, на боевом посту. Оба! Расстреляны в упор, как собаки! В городе орудует вооруженная автоматическим оружием банда душегубов, — он с грохотом треснул ладонью по столу, — режущая людей направо и налево, словно

свиней на скотобойне. Более того, судя по почерку, разыскиваемые не просто бандиты, а гитлеровские недобитки и полицаи. Уже сегодня по городу ползут слухи, а мы тем временем строим рабочие версии. — Начальник ОВД чуть выдохнул и снизил голос: — Не подкрепленные ничем — ни единым высранным чебуреком. Кого это впечатлит? Как это повлияет на оргвыводы? Ответ вы знаете...

Он поднял крышку пачки «Казбека», раскурил еще одну папиросу и вновь выпустил дым в потолок.

— Векслер, помнишь, мы в «резалке» за лося говорили, моего партизана-разведчика?

— Да, Петр Петрович...

— Знаешь, у него примечательная судьба вышла. Он как-то зимой сорок третьего вышел с группой. Притопали в деревеньку, засели в хате прикормленного старосты и чуток загуляли — первачок, сальцо, картошечка. Согревшись, старший группы ушел к одной крале и там кувыркался с ней до утра. А на рассвете в село пожаловали немцы и взяли разведчиков пьяненькими. Всех, кроме него, — ушел наш матерый. Поскольку у каждого человека по десять пальцев на руках, то с помощью нехитрой приспособы — кирпича и молотка — у них узнали все, что те помнили, и даже чуточку больше. И быстренько потом всех троих уколошили, похвалив старосту и его посыльного за расторопность. Отряду пришлось менять стоянку, терять людей, запасы, уходить в морозную глухомань, отбиваясь от висевших на хвосте карателей. Лось вместе со всеми сражался как герой, потом каялся, стоял на коленях перед отрядом. Вот. А командир издал по нему приказ. И я, как его заместитель, этот приказ тоже подписал. И ничего. Не снится мне этот нами торжественно расстрелянный, и даже имени его не помню. Лось, говоришь? Ну, пусть будет так...

Он помолчал полминуты, смял в широкой хрустальной пепельнице докуренную папиросу и, обращаясь к майору, спросил:

— Женя, ты когда-нибудь работал по людоедам?

— Сам нет, но старые опера рассказывали о таких случаях в тридцатые на севере области.

— Разрешите, товарищ подполковник?

— Говори, капитан...

Опергруппа повернула головы к Туманову.

— Колбаса в голодающем Поволжье — это интересно... — задумчиво произнес подполковник, окидывая взглядом милиционеров. — Людоедство как основа нэпа. Интересная теория. — Он выразительно помолчал. — Во всяком случае, здесь понятен алгоритм поиска и подключения к розыску участковых и оперов РОВД. Рынки, кооперативные магазины, столовые...

Он перевел взгляд на Векслера:

— Ты чего напрягся, Женя?

— Выпил — закуси! — ответил майор.

— В смысле?! — не понял руководитель.

— Что мы будем искать? — Векслер прямо посмотрел в глаза начальнику. — Петр Петрович, я настаиваю, чтобы опергруппа продолжила активный розыск, направленный на нейтрализацию банды, а сбором образцов сырья и пищевой продукции на рынках, в магазинах и столовых, прочими научными изысканиями... — он тяжело посмотрел на Туманова, — пусть займутся участковые и сотрудники РОВД.

— Обоснуй! — Подполковник быстро глянул на капитана и вновь перевел взгляд на Векслера.

— Согласно показаниям Шилина, реализаторы сбывали от 20 до 30 декалитров самогона в сутки. При этом на перроне с утра и до ночи работали до шести-семи торговых с беляшами, чебуреками, пирожками и бог весть чем еще. Также со слов работников вокзала мы знаем, что им подносили корзины по мере сбыта продукции.

— Да верно все, майор, только мы до сих пор не видели и не разговорили ни одну из торговых! — вмешался начальник ОВД.

— Разрешите закончить, товарищ подполковник?

— Давай, конечно... Извини, что сбил с прицела, — язвительно хмыкнул собеседник.

— Шесть-семь человек с ротацией продавцов и продуктов непрерывно обслуживают порядка пятидесяти формируемых и проходящих составов. Делим и получаем по две-три бутылки на каждый состав. Условных же беляшей уходит в разы больше. Сколько может стоить пол-литра самогонки из-под полы? Сотка. Сколько стоит свинина на рынке? 300 рублей за килограмм. В беляш, чебурек идет 50 грамм мяса

и столько же теста. Тесто опускаем. Себестоимость фарша в продукте составит от силы 12—13 рублей, продают беляш за четвертную. Значит, одна бутылка стоит четыре беляша, а продают их под тысячу.

— Допустим, согласен... Вывод какой, Женя?

— Первое. Самогон — для отвода глаз, весь упор на мясе. Второе. Для такого производства нужен цех или специализированное домохозяйство. Третье. Тысяча условных беляшей — это пятьдесят килограмм мяса в сутки. Значит, не человеческой единой — надо искать свиноферму.

— Дельно... Думаю, Сретенский организует личный состав на закупку и анализы... Подключим все лаборатории, включая СЭС. Участковые, — он глянул на Дробота, — и наш оперсостав, — перевел взгляд на Плакиду, — пойдут по подворьям... Ты-то что планируешь?

— Перетрусим всех нищих, алкашню, еще раз допрошу сожителя Анны Криндычевой — я не верю, что он ничего не знает, хоть и живет с ее детьми отдельно. И надеюсь найти торговок... Не с Марса же они свалились?!

— Да... Нам станет понятен процент соотношения пирожков с говном и чебуреков с человечесиной. Чем это поможет ликвидации банды? — Подполковник помолчал. — Мы просто уллучшим свою версию, мою шкуру же тем временем натянут на... — Он поднял голову и внимательно посмотрел в нарисованные глаза министра. — Багетную раму зеркала центрального хода... Ладно. Вариантов пока тоже не вижу. Но вот если мы и сейчас найдем только трупы, то быть беде. Долго я в одиночку не удержусь — все пойдем под монастырь.

* * *

— Да Фира Иосифовна, я тебе говорю, Валька! Ну шо я — дура совсем, в самом-то деле?

Женщина подняла метлу и раздраженно стукнула держакон о брусчатку, насаживая голик.

Три офицера стояли в квартале от вокзала и смотрели на пустую подъездную дорогу, огибавшую по кругу привокзальный жилой сектор.

— Где она живет, знаешь? — допытывался у дворничихи Дробот.

— Так в школе же, в твоей. Как вернулась с эвакуации, так назад и пошла работать — куда ж ей еще, горемыке?!

Участковый пожал плечами и посмотрел на старшего.

— Поехали, — скомандовал Векслер.

Уборщицу и ее каморку нашли сразу.

— Как вы тут живете? — огляделся майор.

— Да как все, — отвечала, сидя на застеленном старой шинелью топчане, еще не старая женщина с тяжелым лицом.

Комната представляла собой подлестничную клетушку, огороженную фанерной стенкой с завешенным брезентом дверным проемом. Из мебели, помимо лежака, тут помещался небольшой столик, табурет и комод, служивший, видимо, подставкой для всякой рухляди. Свободного пространства, кроме крохотного пятачка перед ногами сидевшего на табурете майора, здесь больше не было.

— Так вы же учитель? — от двери спросил Туманов.

— Техничке хотя бы угол положен. Что я сниму на учительскую зарплату? — она горестно вздохнула. — От дома только куча мергеля осталась. Родни никого, последний прибыток — и тот вы забрали, — закончила она, прямо посмотрев на капитана.

— Скажите спасибо, что мы вас нашли раньше, чем ваши бывшие коллеги, — с нажимом сказал Векслер.

Она закручинилась.

— Да кому я нужна, ничего же не знаю. Эх... Дурные девки... В какую халепу влезли и всех за собой потянули за мизерный гешефт...

— Расскажите, как работала ваша смена? — заметив утвердительный жест старшего, спросил капитан.

Она неопределенно пожала плечами.

— Приходила к шести вечера. Торговали до начала первого. Позже нет смысла, пассажиры спят. Беляши и чебуреки только у нас с Ганей. Ганя продавала самогон. Остальные стояли с пирожками, но то они сами готовили и нам были для блезиру. Если два поезда сразу — то она отдавала дежурную корзину под отчет кому-то.

— Фамилия? — уточнил он.

— Чья?

— Ганина!

— Так Криндычева! — удивилась собеседница.

— Я понял.

— Вы вроде говорили, что Юрий Шилин тоже работал с вами? — спросил стоящий рядом с капитаном Дробот.

— Шоб я еще сказала, так то, где вы читали... Я просто вслух подумала! — оскорбилась она. — Работал! Гаденьш шестерил у Гани с Улькой. Когда-никогда той шлепер махорку, папиросы приносил краденые, чтоб мы продали. Работничек хренов.

— Кто доставлял беляши и чебуреки?

— Братики...

Милиционеры переглянулись.

— Какие еще братики? — спросил участковый.

— А я знаю?! Два брата. Один постарше — лет тридцать или больше, раз в темноте его чуть рассмотрела. Второй — около того, раза три всего видела и тоже только вечером... — Она помолчала и добавила: — И тем вечером тоже.

— Как они выглядели, на чем привозили продукты, откуда везли и сколько?

— Да обычно выглядели... Парни как парни. Откуда везли, не знаю. Только девки ходили за корзинами за вокзал куда-то. Обе их боялись до мокрого исподнего.

— Шила братиков знает? — уточнил Туманов.

В ответ она только презрительно скривилась.

— Что сказал младший в тот вечер? — вернулся к основной теме Векслер.

— Да что сказал... Брысь, говорит, отсюда. Чтоб хавалки закрыли на замок, а то всех вырежем, включая детей и комнатных собачек.

— Ну хоть что-то приметное в нем было? Не может же он везде серым быть?! — спросил он.

— Выделялся... — призадумалась Фира. Потом подняла просветлевшие глаза и сказала: — Так не местный он!

— Как понимать?

— Ну, так гутарит-то не по-здешнему.

— А как?

— Ну не знаю, быстро-быстро как-то и высоким таким голосом тараторит. Подошел и сразу какое-то смешное слово сказал вместо «здрасьте»...

— Что за слово, конкретно? — напрягся майор.

— «Тавой» или «таей», что-то такое.

Векслер замер, на неуловимое мгновение погрузившись вглубь себя.

— Может быть, он сказал: «Та йой»?!

— Да, точно, так и сказал, — удивленно ответила женщина и недоумевающе посмотрела на офицеров.

— Никита Степанович, сколько там до большой порки? — спросил вдруг Векслер.

— Два часа тридцать пять минут...

— Валек, Фиру Иосифовну — в мою машину и в управу, а мы с Тумановым пока на твоём мотоцикле покатаемся.

Когда в машину усаживали слабо протестовавшую женщину, офицеры шли к мотоциклу.

— Что значит это слово? И куда едем, майор?

— На Острую, — ответил он, резко давя ногой на педаль кикстартера, — а слово означает, что ребята к нам издалека пожаловали.

Векслер завел мотоцикл и, наклонившись, громко сказал:

— Километров с лишком за тысячу отсюда... На запад.

* * *

С холма открывался бесконечный вид на раскинувшуюся до самого горизонта луганскую степь. Слева возвышался недавно восстановленный мемориал, но Векслер обогнул его, не останавливаясь, и по зеленой травке докатил до начала спуска с холма. Впереди и вправо до самой балки тянулись остатки инженерных сооружений.

Офицеры спешили, майор молча закурил.

Туманов с интересом оглядывался по сторонам. Он явно попал сюда впервые.

— Что это за место, Жень?

Тот, помолчав, ответил:

— Острая Могила... Место, где я набираюсь боли. Это помогает мне потом быть безжалостным.

— А поче... — начал было капитан, но напарник взял его левой за пуговицу кителя на груди и указал рукой с папиросой на окопы.

— Смотри сюда. Видишь вытянутые впадины там, за траншеями?

— Да...

— Это засыпанные противотанковые рвы, что мы копали в сорок первом, — боялись охвата Ворошиловграда с востока.

— Понятно...

— Весь город копал, и даже мы, менты. Вот тот, второй, копал и я, лично. И следующий тоже. Упорно, до кровавых мозолей рыли...

Он замолчал, два раза затянулся.

— Вот этими руками, — майор поднес ладони к самому лицу собеседника, — я вырыл могилу для собственной семьи. Получается, так...

Туманов положил руку на плечо майора.

— Я знаю, Евгений Павлович... Просто не думал, что здесь, в степи. Мои соболезнования...

— Софийка. Наши Риточка и Борюсик, долгожданный. Ее мама Сусанна Моисеевна...

Он бросил окурок под ноги. Достал портсигар, потом вытащил немецкую зажигалку, свинтил крышку, подкурил и, вновь завинтив, убрал в жилетный кармашек.

— Почему не эвакуировались?

— Потому что меня отправили на фронт, а у бабушки Сусанны всегда было свое мнение, непоколебимая уверенность в брехливости советской пропаганды и светлая вера в культурную миссию немецкого народа.

— Понял, прости...

— Ближе к концу октября людям объявили, что идет организованная отправка в Палестину. Велели взять ценные вещи и провизию на три дня. Утром первого ноября всех собрали на стадионе и начали грузить в машины. Везли сюда, по два грузовика в каждой партии. Смотри, вот рвы. Где сейчас заваленные дзоты, там выставляли пару «машиненгеров» на станках. Останавливались вот здесь, — он указал рукой точку. — Вылезать никто не хотел. Тогда они запустили в кузов овчарок. — Милиционер внимательно посмотрел в лицо собеседнику. — Ты же понимаешь, что могут сделать две Фриды в грузовике с женщинами и детьми?

Выдохнул и продолжил:

— Потом все ценности складывали на расстеленный брезент, всех раздевали догола, строили и строим валили в ров длинными очередями в упор. Кто бежал — добивали из кара-

бинов поштучно. Отработав две машины, встречали следующие — точно как наши мясники на перроне. Почерк!

Помолчав, Векслер взял капитана за предплечье и не спеша повел его к мотоциклу.

— Ты думаешь, зачем я тебя привез сюда? Для чего эти еврейские стенания? — Он остановился. — И тогда, и сегодня против нас — нелюди. Запомни, Туманов. Мы их найдем, по-любому. Как Фрида, я их верхним чутьем возьму — я ведь тоже немецкая овчарка по кличке Векслер. И когда мы их найдем, живым никого не выпустим. Никого — запомни. Как это животное сказало в тот вечер на вокзале: «Вплоть до комнатных собачек»? Вот так мы и сделаем. И ты со своим ТТ будешь прикрывать мою спину. И не дай бог тебе дать слабину...

Он оценивающе посмотрел в лицо капитану.

— Поехали домой. Вытерпим все молча и продолжим, — подытожил майор.

Глава 4. Белая будка

Дореволюционный особняк Васнёва нависал над брусчаткой перед местной Красной площадью всеми своими, как тогда говорили, архитектурными излишествами: балкончиками, массивной колоннадой и балюстрадой открытой террасы третьего этажа. Возле машины Векслера стояли трое — сам старший группы, его напарник и майор Сретенский, сменивший китель на больничный халат.

— Списывать меня, мужики, пора — третий криз за весну... — жаловался он.

— Ты держись, майор, нам без тебя совсем грустно станет, — приободрил его Евгений Павлович.

— Ладно, что у вас?

— Пэ-Пэ взял все на себя и пошел с полковником к первому секретарю. Мы по-прежнему ловим оборванные концы цепочек, но пока везде голяк. Похоже, бандиты тупо вырезали всех, кто что-либо знал, — развел руками Векслер. — О, Дробот! — указал он глазами на подъезжающий мотоцикл.

Участковый легко выскочил из седла и поздоровался с офицерами. Следом вытянулся во фрунт старшина. Фрося,

издали обнюхав всех, вдруг шагнула к Векслеру и дружески слегка боднула его в бедро. Тот потрепал собаку за ухо и обратился к прибывшим.

— Что, Валек?

— Пропал Клешня. С момента разговора в дежурке как сквозь землю провалился... Як пороблено! — раздраженно треснул он себя по ляжкам.

— Не надо было отпускать! Всех в околоток, никаких доверительных бесед больше. Для их же безопасности, — жестко резюмировал старший.

— Жень Палыч, а кто вообще из привокзальной шелупони остался неохваченным? — поинтересовался Сретенский.

Векслер вопросительно посмотрел на Дробота.

— Да вроде все. А не, Культя остался, но тот... — Он безнадежно махнул рукой. — Что с бухарика взять?!

— Кто это?

— Безногий попрошайка на костылях, — ответил старшему участковый.

— Да, я помню, с медалями.

— Ага, ветеран всамделишный, кстати. Мы его пробивали. И документы настоящие, и ногу на фронте потерял, и медали его. Гарик... как его... Попытченко! — вспомнил капитан.

— Стоп, Валек! Еще раз: попрошайка без ноги, на костылях, с двумя медалями. Установленный ранее инвалид и ветеран войны Гарик, то есть Игорь, Попытченко. Так?

— Да, Жень.

— И он алкаш?

— Ну да. Стоит до обеда или пока насобирает. Берет четверть литра и уходит, счастливый, восвояси.

— Валек, я его видел и помню. И он не пьет.

— Слушай, Жень, ну ты-то откуда знаешь — раз посмотрел и определил по памяти?

— Рыбак рыбака... — задумался майор. — Так, надо с ним срочно познакомиться, пока и его под землю не укатали...

— Правильно говорит Евгений Павлович! — вступил в разговор Сретенский. — Надо поднять всех твоих участковых и выяснить, где он живет.

— Да я знаю где! Точнее, адреса как такового нет, живут за белой будочкой... — вмешался капитан.

Милиционеры, переглянувшись, улыбнулись.

— Да не в том смысле! — начал заводиться Дробот. — Конкретно за будкой жэдэ переезда, в самострое близ гравийки, между Камбродом и Большой Вергункой.

— Дорога туда идет из Камброда или из Вергунки? — поинтересовался майор.

— И так и так можно добираться, а если пехом, тогда вообще с любой стороны — через посадку или пустырями.

— Ух ты! Однозначно надо познакомиться поближе, — констатировал старший опергруппы.

* * *

Практически за окраинами Каменного Брода тоже жили люди. И до войны, и после здесь строились и селились целыми семьями. Как раз один из таких проулков раскинулся перед глазами оперативников метрах в семистах от грязно-белой будки путевого обходчика на железнодорожном переезде у гравийной трассы, связывавшей два городских поселка.

Мотоцикл и машина остановились чуть выше, а сами милиционеры разговаривали с хозяйкой дома, стоявшего у края улочки, отсыпанной буро-красно-фиолетовым печным штыбom, традиционно именуемым в Донбассе жужалкой.

— Ни с кем они не общаются, живут бирюками, сколько их тут помним, — рассказывала хозяйка. — Старший Попытченко с немцами сотрудничал, а они его казнили...

— Не кажи, чего не знаешь, кура! — Грохнув калиткой, на улицу вышел шестидесятилетний мужик в перепачканном глиной и сажей фартуке. — Здрасьте, товарищи! — поздоровался он с милиционерами, отирая руки от глиняных катышей и красной кирпичной пыли. — Не слушайте! Несет баба сама не знай що, — гневно глянул он на женщину.

Оперативники развернулись к мужчине.

— Старый Попытченко просто работал в депо. Немцы его спалили, а за шо — никто не знае.

— Когда это было? — уточнил майор.

— Было-было, известное дело, — вмешался Дробот. — Перед приходом наших, за неделю до штурма, фашисты, действительно, связали колючей проволокой, облили соляркой и сожгли несколько работников депо, включая Попытченко. Их всех потом похоронили в общей могиле на старом кладбище.

— Так и есть, — подтвердил мужчина.

— И кто сейчас там живет?

— Упыриха, Вадько, брат его одноногий та его сынок — внук Станиславовны, — не выдержала долгого молчания женщина.

— Упыриха? — удивился Векслер.

— Помолчи! — вновь кинул мужик жене. — Леська, жена старого Попытченки. Бабы ее ненавидят. — Он вдруг ухмыльнулся. — Мабуть, взаимно!

— Что за брат, внук?

— Вадько? Та шофер с депо. Нормальный мужик, работающий. Внучок у ФЗО учится, добрый хлопчик. А вот Игорь — такой позор — жебрак с вокзала! А ще фронтовик... — Мужчина аж сплюнул от негодования.

— Чего Станиславовну ненавидят? — поинтересовался Векслер.

— Так вона нетутошная! Дед ее со службы привез. Самого гарного парубка у дивчин наших увела... повия, — вдруг захохотал мужик, весело зыркнув сверху вниз на сжавшуюся от злости жену.

— Они свиной держат? — задал последний вопрос Векслер.

— Тут все трымают... — ответил тот.

* * *

Отойдя метров на пятьдесят от машины и разговорчивых соседей, Векслер начал инструктаж группы.

— Так, бойцы, собрались! Влад подкатывает и блокирует ворота — вне зависимости от того, одинарная там калитка или проезд для студебеккера. Валек бросает мотоцикл у самого края усадьбы и бежит к воротам. Если нам не открывают, первыми через забор идут Фрида с Узловым, следом — Дробот. Открываете, впускаете Туманова и действуете группой по обстоятельствам в следующем порядке. Первым за собакой идет старшина. Валек прикрывает их справа. Туманов всех троих — сзади. Влад стоит с автоматом в воротах и прикрывает всю группу, отслеживая улицу за спиной.

— А ты, дядь Жень? — удивленно спросил участковый.

— А я стою на номерах с заднего двора. Если вы их погоните, то встречу.

— Сам?!

— Ты за меня не переживай. Слушаем дальше. Второй вариант. Нам открывают, но не пускают. Тут все просто: рылом в землю и входите штурмовой группой в дом, оттуда — дальше по постройкам. Всех брать, вязать, стаскивать под ППШ к сержанту. Третий вариант: впускают и беседуют. Тогда действуете по обстановке. Любая замеченная опасность — кодовое слово: «Время!» Значит, сдаем назад. Выходим. Вызываем подмогу.

Он еще раз посмотрел в глаза своим бойцам.

— Самое главное. Ни при каком раскладе вы, во-первых, не расходитесь и, во-вторых, не выпадаете с прицела Владлена... — Майор окинул группу взглядом, задержав его на мгновение на наградной планочке медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» на груди Туманова. — А чего вы все вырядились, как на парад?!

— Ну дык к полковнику с утра собирались.

— Лады, все готовы?! Тогда отлили, попрыгали, проверили оружие — и вперёд!

Тут не выдержал Дробот.

— Дядь Жень, прости, но ты на самом деле считаешь, что там банда? Или Культя — один из братиков?

Векслер немного удивленно взглянул на участкового, словно тот предстал перед ним новой гранью, и повернул голову к Туманову.

— Никита Степаныч, ты у нас мастер деталей, скажи Валентину, почему ты в напряге последние полчаса.

Туманов улыбнулся, как будто его на чем-то подловили, и ответил:

— Меня смущает расстояние от вокзала до дома Попытченко.

— О! Ни секунды в твоей светлой голове не сомневался, — акцентировал майор. — Скажи, Валек, как одноногий пьянчужка два раза в день проделывает полуторачасовой путь туда и обратно? Или, может, его кто-то подвозит? Как на работу?

Он жестко закончил:

— По местам. Узлов — на переднее сиденье, Дробот — впереди нас. С богом, бойцы!

Ехали достаточно быстро, но не летели и пыли не поднимали. Оставив мотоцикл у края забора, Дробот первым оказался у дома и, пока оперативники высаживались у въездных ворот, громко постучал железной ручкой калитки. Во дворе, гремя цепью, злобным лаем заливалась собака. Фрося, внешне никак не отреагировав, лишь слегка приподняла шерсть загривка.

Массивные ворота, рассчитанные на грузовик или подводу, покоились под небольшой двускатной крышей. Вообще и ворота, и двухметровый забор, да и сам дом на высоком цоколе казались основательными и откровенно богатыми по сравнению с подавляющим большинством хибар Камброда.

— Алкаш, да?! — успел прошепнуть участковому Векслер, скользнув за левый угол забора.

Во дворе послышалась возня, хлопнула дверь, раздались шаги. Потом лязгнул запор, за ним — щеколда, и в открывшейся калитке показалась невысокая полноватая бабулька лет семидесяти. Она удивленно осмотрела милиционеров и спросила:

— О! А вы до кого?!

— Здравствуй, Станиславовна! — Остановив жестом движущего было вперед старшину, Дробот поинтересовался: — Гарик дома?

— В хате он. Хворый... — недоуменно посторонилась она, пропуская милиционеров.

Первым во двор вошел старшина со своей собакой. Средних размеров кобелек, рвавший горло и встававший дыбом на цепи, вдруг упал на все четыре лапы и вместо заполошного воя перешел на озлобленный писклявый лай. Фрося, не глядя на него, совсем немного приподняла одну брылю, еле-еле оголила кончик клыка и чуть слышно заурчала. Кобель взвизгнул и, заскочив в добротную будку, отчаянно завыл.

— Та замовкны вжешь! — Старушка, перехватив клюку, мигом подлетела к будке и знатно треснула по дранке, прибитой к рубероиду крыши. — Нэ брэш!!!

Потом подняла глаза на оглядывавшую двор и дом опергруппу.

— Заходите до дому, раз пришли.

Дробот окинул взглядом огромный участок с флигелем, рядом сараев, отделявших задний двор, беседку, летнюю кухню и дворовый очаг с выварками. Затем он повернул голову к хозяйке.

— Та хворый, кажу. У лижку весь час, — ответила она на немой вопрос.

Приметив ступу деревянного протеза у стены и ряд дворовой обуви, капитан решительно двинулся вперед. Опередив его, Узлов развернулся и, первым поднявшись на невысокое крыльцо, вошел в коридор. Миновав длинную веранду, оказался в комнате и остановился за порогом. За ним проследовали Дробот, пожилая женщина и Туманов. Влад остался у ворот, цепко оглядывая двор и улицу.

Большая светлая комната с рядом окон и длинным столом в центре с дальнего торца оканчивалась двумя дверьми. Напротив милиционеров оказался письменный стол и книжный шкаф между крайним левым окном и входной дверью в углу, где теперь, контролируя пространство, остановился кинолог с собакой.

За столом перед тетрадкой с учебниками сидел подросток в белой с глубокими вырезами майке, синих трениках и парусиновых спортивных туфлях. Он, удивленно улыбаясь, с интересом рассматривал вошедших милиционеров. Хозяйка встала на середину комнаты между операми и мальчиком. Туманов остался в дверях, а участковый прошел немного дальше и замер чуть впереди и справа от старшины.

— Эй, малой, метнись резвым кабанчиком к бате, скажи, дескать, дружбаны пришли, пусть выйдет... — велел участковый и испытующе посмотрел на Лесю Станиславовну.

Мальчик встал и вопросительно поднял глаза на бабушку. Из дальнего коридора раздался стук костыля и протеза, и в открытую дверь вошел Попытченко. Он действительно был бледен, небрит, но при этом — в чистой, вышитой сине-голубым у воротника рубаше и пиджаке с двумя медалями. Невенький облегченный протез блестел светлым лаком.

— Здорово, командир, — доковылял он до середины комнаты, недобро уставившись на капитана.

— Ты чё такой сурьезный, дядька, а?! — чуть набычившись, с ходу наехал на него Дробот. — Гостям не рад?

— Болею я...

Туманов, еще раз оглядев комнату и краем уха прислушиваясь к разговору, выскользнул назад — в коридор и на веранду. Не увидев ничего примечательного, осмотрел с крыльца двор и кивнул головой сержанту: мол, как обстановка? Тот неопределенно повел плечом, не спуская глаз с улицы и пространства перед собою.

Капитан огляделся. Двор тянулся за постройки и целиком с крыльца виден не был. Показав Владу пальцами на глаза и кивнув на дверь, он неторопливо, словно прогуливаясь, вышел в центр двора и неспешным шагом двинулся вперед.

У летней кухни повел носом и присмотрелся к вываркам — они кипели, и от них шел густой бульонный пар.

Чуть дальше, между сараями и центральным флигелем, его внимание привлек аккуратный прямоугольник зеленой травы, выделявшийся на фоне укатанной автомобильными колесами земли.

Сделав еще несколько шагов, Туманов вдруг заметил заднее колесо и торец мотоциклетной коляски, стыдливо выглядывающей из приоткрытого сарая.

С противоположного угла заднего двора, откуда долетали звуки чавканья и похрюкивания, ощутило потянуло гноем.

Оперативник, не таясь, широко потянулся. Развернувшись через правое плечо, незаметно расстегнул кобуру и с напусковой беззаботностью не спеша двинулся назад.

Подойдя к крыльцу и выразительно посмотрев на Владлена, он повернул лицо ко двору и, не заходя в дом, крикнул в открытую дверь:

— Капитан, хватит лясы точить! Поехали... Время!

* * *

— Позорище просто! Ноги у него нет... Мы тебе и без ноги найдем работу, я ж тебе сколько раз говорил, — наседал на калеку участковый.

— Какую работу, командир? Вот моя работа, отработанный я, посмотри! — Попытченко правой рукой задрал рубашку на грудь. На крепком, плоском животе внизу виднелась

глубокая воронка пулевого ранения. Еще один продольный шрам лилово отливал по всей ширине пресса.

— Ну и что? Ты один такой вернулся?! Найди бабу, завяжи с бухлом, будь человеком, в конце-то концов. Порадуй мать под старость лет!

— Бабу... — презрительно хмыкнул инвалид. — Мне при родительнице и пацане штаны снять, чтоб ты полюбовался на ту радость, что мне осталась?

— Ты пафосницу закрой, ладно? Меня жалобить не надо, — ответил милиционер.

Во дворе раздалась шага.

— Командир, говорю же, худо мне... — Повернув голову, инвалид обратился вдруг к сыну: — Дай сесть!

Мальчик подал отцу табурет и вернулся назад. Тот, тяжело опершись правой рукой, сел, вытянул протез с обрубком ноги и поставил костыль стоймя перед собой.

— Капитан, хватит лясы точить! Поехали... Время! — раздался голос Туманова с крыльца.

Дробот внимательно посмотрел на Культу, скользнул расфокусированным взглядом по длинной веренице домашней обуви под задней стеной, по обутым в сапог, тренировочные туфли и дворовые чуни членам семьи.

— Ладно, Гарик, времени нет. Но помни: бродяг и попрошайек у нас в городе не будет. Берись за ум, пока не поздно, — сказал он и, повернувшись к Узлову, добавил: — Идем, старшина, нет времени.

Кинолог успел сделать шаг вперед, когда мальчик, поймав повелительный отцовский взгляд, взял лежавшую на книжках скомканную тряпку и с криком: «Песик!» — швырнул ее в голову Фроси. Та лишь чуть отпрянула.

Под тряпкой лежал армейский «вальтер». Паренек мгновенно поднял пистолет, с трех шагов всадил старшине подряд две пули в центр груди и опустил ствол на присевшую собаку. Узлов, срывая горло, страшно захрипел и, отпуская ошейник, швырнул свою фуражку в лицо стрелка.

Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Фрося, пролетев по воздуху, ухватила всей пастью еще раз успевшую выстрелить куда-то в потолок руку и снесла пацана к стене. Там, словно заправский борец, она крутанулась волчком, с хрустом перебросив парня через спину. Тот, хряснувшись

плашмя об пол, успел лишь набрать полную грудь воздуха, а потом побелел и потерял сознание. Еще раз с треском рванув его за полуоторванную руку, овчарка окинула взглядом комнату.

После первого выстрела Дробот интуитивно присел и успел закрыться рукой. Табурет тем не менее припечатал по телу так, что он только охнул. Следом в голову прилетела подмышечная перекладина костыля, и неожиданно крепкая рука Попытченко резко рванула его за капитанский погон на себя. Первый удар финкой пришелся четко в подреберье. Участковый успел отмахнуть ребром правой в голову калеки и рвануть наган из кобуры. От второго удара ножа Валентин почти уклонился, треснув куда-то Культю рукоятью револьвера, поэтому лезвие вошло между шеей и трапециевидной мышцей, не задев горла.

Фрося, набрав с места скорость и походя сбив замахнувшуюся клюкой бабку, с разгона врезалась в Попытченко. Тот успел, присев, крутануться на месте, и овчарка взяла пастью его левое предплечье. Отдавая левую руку, бандит одновременно принял собаку на нож, разваливая ее грудину вспарывающим движением вверх. Правда, от таранного удара это его не спасло, и Культя кубарем улетел под стеночку к выставленной в ряд обуви.

Дробот оперся на косяк, зажимая рукой обильно кровоточащую рану на шее. От тела мальчика тяжело поднималась старуха. Офицер вдруг увидел, насколько отталкивающе и неприятно ее лицо с отвислыми щеками и темными кругами вокруг бесцветных водянистых глаз. В ее руке чернел зловонный «вальтер». От стенки с Попытченко вдруг гулко грохнул ТТ. Раз, потом другой... Одна пуля прошла в дверной проем, вторая выщербила кусок щепы из дверной лутки над головой участкового. Тот два раза бахнул в ответ в сторону поднимающегося Культи, но не попал и буквально вывалился в коридор прямо в руки Туманова.

— Старая лярва! — с ненавистью прохрипел участковый и ударил из нагана в центр бабкиного корпуса. Старуха зашипела, словно из пробитого шарика стал выходить воздух, и стала грузно оседать на пол.

Фрося смогла подняться. Ее глаза уже заволакивала белесая пелена, из распоротого нутра свисало что-то сиреневое, а

вместо дыхания раздавался сильный хрип. Она с трудом сфокусировала на Попытченко уходящий взгляд, два раза глубоко втянула в себя воздух, роняя из пасти хлопья алой пены. А потом, накатывая мощной грудиной на передние лапы, разгоняясь, пошла в свою последнюю атаку.

Глава 5. Лесно подворье

Обойдя усадьбу, Векслер наконец дошел до поворота забора и за ним сразу наткнулся на въездные ворота заднего двора. Они, конечно, уступали центральным, будучи поуже и без крыши, однако так же массивно покоились на трех крепких столбах с отдельной калиткой слева.

Здесь мимо подворья шла еще одна укатанная грунтовка, параллельная гравийке у центрального входа. От нее к воротам тянулась выложенная жужалкой дорожка с отчетливо отпечатанным мотоциклетным протектором.

Осмотрев ворота, старший группы приметил высверленную коловоротом круглую дырочку чуть выше уровня глаз майора. Но, встав на цыпочки и заглянув в отверстие, он увидел лишь дерево закрывающей обзор задвижки. Постояв несколько секунд и оценив диспозицию, оперативник, стараясь не хрустеть, отошел на десять шагов и встал за одним из широченных орехов, высаженных с обеих сторон у въезда в усадьбу.

Услышав во дворе голос напарника, но даже не разобрав слов, Векслер тем не менее достал свой «штайер», а когда в доме раздались первые выстрелы — взвел курок. За все время перестрелки он несколько раз порывался кинуться вперед, но лишь протяжно выдыхал, останавливая себя.

Вдруг в какое-то мгновение майор учуял шорох и, поняв, что это задвижка, замер. Он буквально ощущал кожей, как кто-то рассматривает подходы к участку. Вскоре раздался звук хорошо смазанных петель — это открывались ворота. Пару раз заскрипел штыб, и по обе стороны невидимого барьера между опером и бандитами вновь все притихло.

Вскоре милиционер узнал звук катящихся колес. Он чуть отстранился от своего ореха, и в этот момент в зону видимости выкатился мотоцикл с коляской, энергично толкаемый за руль молодым мужчиной в солдатской гимнастерке. Он

как раз заворачивал в противоположную от майора сторону, и Векслер, ни на мгновение не задумываясь, открыл огонь. Первая пуля, угодив в область лопатки, выгнула мотоциклиста дугой, а вторая разнесла всю правую часть свода черепа.

От ворот прогремел картечный дуллет. Заряд просвистел совсем рядом с майором, но несколько дробинок все же угодили ему в правую ногу. Оперативник, со свистом втянув в себя воздух, тут же выстрелил в ответ. Высокий, совершенно седой дед, успевший переломить обрез горизонталки, сложился пополам и с сиплым стоном нырнул куда-то за ворота.

Векслер, словно птица с подбитым крылом, далеко отставив левую руку и глубоко припадая на вновь травмированную ногу, доковылял до ворот и осторожно заглянул во двор. Раненый старик, не выпуская обреза, уже заползал в угловой сарайчик справа. Оперативник поднял пистолет и прицельно всадил ему тяжелую «маслину» точно меж лопаток. Деда скорежило, он часто и мелко-мелко забился всем телом.

От ближайшего флигеля по воротам стегнула автоматная очередь, и Векслер, вновь задохнувшись от боли, сполз на землю за створ калитки.

* * *

Подхватив Дробота, капитан, каким-то чудом не переломав ног, стащил его с крыльца. Из дома раздался глухой рык, громкий вопль и грохот падающего тела. Следом выстрел ТТ оборвал хрип Фроси, и буквально через несколько секунд, выбив шибку веранды, пистолет Культи ударил по милиционерам. В ответ Владлен разок прошелся по окнам веранды и дал несколько коротких очередей в створ дверей над крыльцом.

Когда на заднем дворе в первый раз рявкнул «штайер» майора, Туманов уже подтаскивал слабеющего на глазах участкового к воротам. Первая автоматная очередь враз «потушила» пистолет старшего группы, следующие ударили уже по оперативникам у центрального входа.

Владлен, коротко огрызнувшись из ППШ, нырнул за моторный отсек своей машины, а Туманов успел протащить капитана к ближайшему ореху в пяти-семи шагах правее. Уложив участкового за ствол дерева, он занялся перезарядкой нагана потерявшего сознание товарища.

Из дома донесся топот громыхающих по настилу сапог — кто-то ломился в сторону перестрелки. Оперативник понял, насколько неудобная у него позиция. Справа из-за мощного ствола он видел только уходящий в небо забор и часть крыши с чердачным окном, а слева — ворота и машину с присевшим за ней сержантом, но никак не двор и все там происходящее.

Услышав топот сапог, водитель успел лишь поднять голову, как сверху загрохотало, из открытого чердачного окна выдуло полуметровый сноп оранжевого пламени, а пулеметная очередь немецкого MG-42 буквально разорвала капот автомобиля и присевшего за ним Владлена. Вторым заходом «машиненгевер» врезал по забору и стволу ореха, но дерево не пробил и не попал по торчащим из-за него ногам Дробота.

Капитан затащил товарища под ствол и замер — на крыльце послышался характерный стук протеза. Культя старался идти неслышно, но предательское «тук... тук... тук...» выдавало его с головой. Пулемет коротко прорычал еще раз, потом другой. С ореха летели крупные шматы древесины и щепа коры, а сам он содрогался от корней и до ветвей макушки.

Услышав глухой хруст протеза по утрамбованному гравию двора, Туманов набрал полную грудь воздуха и задержал дыхание. Присев, он выглянул из-за ореха с правой, невидимой с чердака стороны. Скрип раздался уже у самых ворот. Капитан лег плашмя на Дробота и наклонил голову к земле. За правой стойкой ворот виднелся каблук ялового сапога Попытченко. Капитан, не вставая, прицелился и два раза выстрелил сквозь забор в предполагаемый уровень поясницы калеки. Первым упал костыль, следом осело тело. Вновь ударил пулемет, метя в правую часть ствола.

Туманов вскочил, высунул руку и три раза подряд неприцельно выстрелил из нагана в сторону чердака из-за левой стороны ореха. И тут же, сместившись и присев, два раз всадил из ТТ с правой руки, целя сквозь забор в уровень нижнего края чердачного окна. Пару раз перенесся огонь, пулемет наконец-то оборвал длинную очередь. Послышался лязг затвора. Капитан, вскочив, выронил наган и рванулся к сержанту. Проскакивая мимо ворот, он, практически не целясь, ударил из ТТ по пытающемуся подняться Попытченко. А затем, подхватив ПППШ убитого водителя, влетел в мертвую зону под домом.

Туманов крутил в руках автомат — пули пробили кожух и диск магазина. Вдруг, замерев под стеной, он с удивлением заметил колонну машин, спускающуюся к ним по улице.

Впереди шел броневедомитель, метрах в ста от него та-рахтели несколько мотоциклов с бойцами в синих фуражках, следом покачивала бортами армейская трехтонка с солдатами. На чердаке ожил «машиненгевер» и длинно ударил по БА-64. Броневики встали, и «дегтярев» бронебашни стал методично рвать крышу дома Попытченко. С нее кусками полетела терракотовая черепица. MG-42 враз заткнулся и больше не подавал признаков жизни.

Солдаты спешили, а три мотоцикла под прикрытием броневики проскочили к усадьбе.

— Ты там цел, Туманов?! — закричал подбежавший к ореху побагровевший Сретенский в кителе и спортивных штанах.

— В норме! Дробота выносите, пока он дуба не врезал.

— Где Векслер?

— Держит тыл усадьбы...

— Живой?!

— Не знаю!

Под стенку к Туманову подскочил армейский майор с автоматом Судаева в руках.

— Что тут у вас, опер?!

— Полицай, похоже...

— Да?! — искренне удивился офицер. — Где еще ваши?

— Кинолог в доме. Убит вместе с собакой. Наш...

— Это я понял... — перебил его майор. — Старшина, бери отделение и вместе с капитаном заходите сзади, там еще один мент, возможно, жив, — отдал он приказание командиру отделения, занявшему позицию за подъехавшим броневедомителем.

— Старлей! — кинул майор офицеру со взводом у начала забора. — Формируй штурмовые группы — тут полицай нас заждались...

Милиционеры Сретенского вынесли участкового и с ним на руках бегом помчали в сторону грузовика.

У поворота забора оперативник жестом остановил солдат и отрывисто крикнул:

— Векслер!

— Жду! — слышалось совсем рядом, и буквально через секунду: — Двигай!

Туманов вывалился из-за угла, за ним цепочкой проскочили армейцы. Майор, широко раскинув ноги, занимал позицию у левого столба калитки и держал под прицелом задний двор. Правую ногу выше колена стягивал брючный ремень.

— Что там, Никита, перемирие? — посмотрев на разворачивавшихся в цепь солдат, спросил он бледными губами.

— Перезаряжают...

Капитан, закинув руку Евгения Павловича себе на плечо и подхватив того левой, буквально перенес на руках свистящего от боли напарника на лавочку у палисадника метрах в двадцати левее ворот.

— Узлов, Влад, Фрося... — Туманов замолчал. — Дробот ранен, уже эвакуировали, но... Не знаю, короче...

Внимательно посмотрев на него, старший группы не спеша нажал кнопку выброса патронов, накрыв ладошкой, поймал вылетевшие из «штайера» три «маслины», положил их в боковой карман пиджака и достал оттуда полную обойму. Аккуратно поставив затвор на рычаг задержки, вставил ее в пазы, догнал большим пальцем патроны во внутренний магазин и спустил затвор. Тот, лязгнув, загнал патрон в патронник, оставив курок на боевом взводе.

— Закончить надо по-любому, дружище, — помолчав, сказал Векслер.

Со двора раздался грохот рухнувших под колесами броневедомобиля ворот. Следом БА-64 щедро прошелся из пулеметной башенки по чердачному срезу, окнам дома и веранды. Несколько групп пехоты рывком подлетели к высокому цоколю, и в выбитые окна полетели гранаты. Солдаты отхлынули. Дом гулко подпрыгнул и сложился крышей вовнутрь. Обвалившиеся местами беленные известью стены брызнули кусками мергеля и глины, обнажив сетку дранки крест-накрест. Буквально через минуту, взлетев, осели флигель и центральный сарай.

В палисаднике раздался треск ломаемой сирени — через кусты продирался мужик в замызганной кровью вышитой

рубаше навывпуск. Пистолеты Векслера и Туманова в унисон «гавкнули» по три раза, автомат бандита с торчащим справа магазином полетел на улицу, а сам он со всего маха насадился грудью и подмышкой на столбы плетеного забора палисадника. Пытаясь сняться с кольев, мужчина хрипел, захлебываясь кровью, и сучил ногами, скользя рукой по ивовой изгороди.

— Отставить! — резко осадил майор двинувшегося было к раненому солдата. — Пусть так поддыхает... — И, проследив взгляд напарника, кивнул на автомат преступника: — Говорил же, «бергман»!

* * *

Проводив глазами машину медиков, Туманов прошел во двор.

В центре, аккуратно меж руинами дома и чуть чадящими развалинами флигеля, по всему двору разлетелись кольца и куски копченой колбасы, выброшенные взрывом из сарая.

Солдаты стаскивали в рядочек под забор убитых бандитов. Тут же на расстеленной простыне складировали их оружие.

Накрытые покрывалами тела милиционеров и собаки были видны за пределами усадьбы, на дороге, где суетились у двух мотоциклов оперативники Плакиды.

Сам старший оперуполномоченный стоял возле армейского майора в центре двора, вытирая платочком сияющую на солнце лысину, и смотрел на проходящего мимо Никиту Степановича.

— Где Сретенский? — спросил тот.

— Уехал давление мерить... — ответил старлей.

— Так как, капитан, доблестный оперсостав поделится с дружественными армейцами колбасой?! — поинтересовался военный.

— Она с человечиною, — на ходу бросил Туманов.

Тот скривил нижнюю губу.

— Так ты же говорил: полицаи.

— Цирроз гангрене не помеха...

Подойдя к шеренге вытянувшихся тел бандитов, капитан внимательно на них посмотрел. Седой дед, двое молодых мужчин, женщина лет тридцати, с ног до головы покрытая мукою, Кулятя с раздавленными броневином ногами и про-

тезом, часть ноги с порыжевшей от спекшейся крови парусиновой туфлей.

— Где бабка и гаденьш? — поинтересовался он у Плакиды.

— Старуха застряла башкой вниз, — ответил за старлея военный. — Дом в подвал сложился, быстро не достанем. И она там, и мелкий... Но тот — по частям, — добавил он.

— Кто из них Вадим Попытченко? — спросил Туманов у старлея.

Тот в ответ лишь пожал плечами и кликнул одного из участковых Дробота.

— Кто из них Вадим?

Подошедший лейтенант внимательно посмотрел на убитых и ответил:

— Да нет его тут...

— Точно?! — повернулся к нему капитан.

— Да, конечно. Я Вадько лично знаю... К нему никог...

— Ещё тела есть? — перебил его Никита Степанович.

— Нет, — ответил за всех армейский офицер.

— Плакида, сколько у тебя людей и транспорта здесь?

— Да все практически, — ответил старлей. — Два мотоцикла, можем и третий завести... Дробота.

— Кто знает, где работает Вадим?!

— Так в депо... Водитель он там, — ответил каменнородский лейтенант.

— По коням! — скомандовал Туманов и направился к воротам.

У собачьей будки он остановился. Обезумевший от страха кобелек, крупно дрожа, забился в самый дальний угол и тихонько поскуливал.

Капитан вытащил из кармана галифе «штайер» Векслера и с двух шагов, прямо сквозь доски, пристрелил его с первого раза.

— Ты что творишь?! — ошарашенно спросил проходящий мимо Плакида.

— Так надо, — ответил ему Туманов.

Милиционеры сели на два мотоцикла. Старлей на ходу забрал у одного из своих оперов ПППШ с коробчатым магазином.

— Это что теперь — и свиней в расход пускать?! — глядя им вслед, удивленно спросил майор.

Два мотоцикла одновременно влетели в широкие ворота депо. Доехав до самых гаражей, они разделились: Туманов со старлеем и еще одним опером в гражданском кинулись к входу, трое других милиционеров мигом заблокировали всю шеренгу гаражных боксов.

— Попытченко?! — на бегу увлекая за собой вышедшего навстречу мастера, кинул Туманов.

Тот, рванувшись следом за ним, влетел в бокс, перешел на шаг и крикнул суевившимся под полуторкой водителям: «Вадько! Иди сюда, быстро!»

Один из шоферов вдруг пулей вылетел из гаражной ямы и, отшвырнув тряпку, стремглав кинулся к проему у противоположной стороны бокса. Оперативники ринулись за ним.

Захлопнув за собой дверь, тот задвинул засов и кинулся дальше вглубь раздевалок.

Капитан, два раза дико дернув за ручку, со второго выстрела вынес запор и первым рванулся вперед.

Влетев в раздевалку, оперативники едва успели пригнуться, когда три раза хлопнул пистолет. Пули, звонко рикошета от железных шкафчиков, прошли мимо.

Вскочив на высокий подоконник, Попытченко успел уже на полкорпуса выбраться в распахнутое окно, но отпустить его никто не собирался. Туманов прицельно всадил ему пулю в зад, а Плакида для острастки дал еще длинную очередь над головой. Бандит, истошно завыв и схватившись за ягодицу, грохнулся под шкафчики. Упав, он перевернулся на спину, сел. И, продолжая орать, швырнул «горбатый маузер» прямо под ноги капитану.

Тот на мгновение остановился и, наступив на пистолетик ногой, отправил его, словно шайбу, по кафелю назад — прямо под бок уловника. Тот замер, даже перестал выть и уперся взглядом в Туманова. Капитан поднял «штайер». Бандит все понял, заорал и закрылся двумя вытянутыми к милиционеру руками. Тяжелая пуля, пробив обе ладони, снесла половину черепа, оставив болтаться на какой-то белесой сопле окровавленный, бесцветный глаз.

Когда милиционеры вернулись к усадьбе Попытченко, военных там уже не было. По руинам деловито перемещались эксперты-криминалисты областного управления МВД, стояли несколько представителей милицейского руководства, прокуратуры и гражданских властей.

Начальник городского ОВД и офицер в форме майора МГБ негромко переговаривались отдельно прямо перед шеренгой разложенных на земле тел. Увидев подчиненных, подполковник глянул на Туманова и перевел вопросительный взгляд на офицера напротив.

— Капитан, если подтвердится информация о расстреле сдававшегося преступника, пойдете под трибунал... — Майор пристально разглядывал капитана в упор.

— Он убит при задержании, оказал вооруженное сопротивление, — выдержав взгляд, спокойно ответил капитан.

— Та мы все стреляли, он же до последнего отбивался, — влез в разговор Плакида и, глянув на подполковника, внезапно осекся.

Майор выдержал паузу, потом протянул руку руководителю:

— До свидания, Петр Петрович. На связи... — И, козырнув остальным, направился к своей машине.

— Простите, товарищ подполковник... — негромко сказал Туманов.

— Плакида, сколько вас непосредственно брали Вадима Попытченко? — спросил начальник ГОВД.

— Трое, — ответил старлей.

— Так вы как-то переговорите между собой... Предварительно, перед сочинением рапортов... Дабы разнобоя в общем хоре не случилось. Некрасиво выйдет...

Помолчав, он перевел взгляд на капитана.

— Не ссы, Туманов. Циклоп циклопу, как говорится, глаз не высосет... — И, вновь повернув голову к телам, продолжил: — Видал, сколько красавцев собралось в одном логове?

Капитан подошел поближе.

— Старый упырь откопался, выходит?

— Не-е-е... — хмыкнул Петр Петрович. — Все значительно интересней... Дед, — он указал на труп седого старика, — это Бронислав... Бронислав, — поиграл милиционер ударением в имени, — Бронислав Станиславович Фобяк — родной брат

Леси Станиславовны Попытченко. В девичестве, естественно, тоже Фобяк. Гарик и Вадим — это ее дети от брака с убитым немцами Попытченко-старшим. А вот эти двое — Лесь и Зорян Фобяки — дети Бронислава. И все трое — вахманы немецких шталагов на территории Западной Украины.

Начальник ГОВД выразительно посмотрел на капитана.

— Это еще не все. Самое удивительное, что по документам МГБ все трое проходят как погибшие. И лишь сегодня, когда подняли биографию старухи, — офицер кивнул на Упыриху, — все встало на свои места...

Петр Петрович еще раз серьезно посмотрел на капитана.

— Вот такой зверинец вы сегодня наглухо законопатили. И знаешь почему? Потому что сильные всегда бьют хитрых.

Глава 6. Десятая линия

Строй почетного эскорта занимал место справа, сразу за большой группой милицейского начальства, военных, партийных и советских руководителей. Впереди стояли два гроба, рядом — вооруженный почетный караул и знамена.

Перед закрытым, с синей фуражкой на крышке, где находился Владлен, на груди пожилого майора с фронтовыми медалями на армейском кителе замерла небольшая женщина с короткой стрижкой. Возле открытого, с телом Узлова, во всем черном, возвышалась статная вдова с опрокинутым внутрь взглядом, с потемневшим лицом и сцепленными большими кистями рук.

Военный оркестр ждал отмашки дирижера левее. Перед ним застыл строй сотрудников кинологической службы областного управления МВД. Начальник, пожилой капитан, не таясь, вытирал слезы левой рукой. В правой, чуть позвякивая наклепанной стальной чешуей, темнел ошейник Фроси.

Строй личного состава милиции, разбившись по коробкам представителей областных, городских и районных отделов и служб, занимал весь центр площади.

Когда зазвучал гимн, Векслер, тяжело опираясь на руки Туманова и Плакиды, неловко поднялся с инвалидного кресла, отставляя вперед загипсованную выше колена ногу.

Литаврист отбил начало и конец минуты молчания, руководители сказали положенные слова, сухо рявкнул тройной залп карабинов эскорта. Оркестр исполнил траурный марш.

Собаки прядали ушами и тревожно озирались...

* * *

На перроне вокзала у поезда Ворошиловград — Москва, как всегда, бурлил людской поток. Кто-то грузил вещи, другие обнимались и в который раз диктовали поручения и наказы «на дорожку». Какой-то мужик с двумя большими белыми арбузами под мышками, переминаясь у вагона, кричал вдаль: «Люся, быстрее! Опоздаем».

Два капитана — Туманов и Дробот — отошли чуть в сторону от этой толчеи.

— Ты не понимаешь, Никита... Что значит «родина»? Вперед — Москва зовет, потом в отпуск приедешь, всех вдумчиво расцелуешь по очереди. Где Чебоксары и где столица?! — горячился начальник отделения участковых инспекторов Каменнобродского РОВД.

Он внешне, казалось, абсолютно не изменился, однако чуть скособоченная к правому плечу голова говорила, что ничего в этой жизни просто так не проходит.

— Да всё нормально, Валек. Приеду, маму обниму, а там видно будет — Москва, Астрахань, Казань... Союз — большой!

— И шо тебе лично с этих просторов? А девкам твоим?! Вот я тебе историю расскажу... Знаешь, в городе, откуда я родом, был такой район — шахтный поселок Верочка. И жила там в тридцатых знатная красотка Раечка Клейнерман. Что это за дева была! Словами не передать... Стройная, тонкая, с точеной фигурой и правильными округлостями в нужных местах. А глазища — царица Савская от жабы слюной бы захлебнулась. По ней вздыхало полгорода, но решительно подступить к такой мамзели не решался никто. В двадцать лет ее, в конце концов, поимел Яша Ассириец. Опылил без спросу маменькин цветочек. И даже не женился потом. Вот так! А кто там за ней вздыхал душевно — никто уже и не упомнит...

— Ты к чему это?

— Да к тому. Появилась малейшая возможность — хватай! Плюнешь на дар, судьба глянет на такое твое небрежение и обидится. Потом хоть извернись и за жопу себя кусай — все без толку будет! — Он вдруг взял капитана за предплечье. — Смотри, Палыч...

В голубовато-серой тройке и на полтона более темной шляпе Векслер выглядел, как всегда, немного франтовато, невзирая на седину, палочку и еще более заметную хромоту.

— Думал, не дождетесь, — приветствовал он коллег.

— Как же мы без тебя, дядь Жень, я бы поезд тормознул на крайний пожарный, — хохотнул Дробот.

— За тобой не заржавеет... — улыбнулся Евгений Павлович.

И, повернувшись к Туманову, спросил:

— Все-таки решил вернуться?

— Да, вначале домой, там видно будет... Ты-то сам как? Как нога?

— Да прям не знаю. Надо либо святой водой ее окропить, либо куда-то к старцам ехать на отчитку. Сколько можно-то — в одну воронку? — улыбнулся Векслер.

— Ну а делать-то что собираешься? — пытливо вглядываясь в старшего товарища, спросил Никита.

— У-у... Хороший вопрос. Годик отдохну, там видно будет. Может, приму одно из предложений, может, преподавать пойду, а то и заведу себе участок: курочки там, козочки... — И, подмигнув, добавил: — «Участок Векслера» — звучит?!

Милиционеры засмеялись.

Посадка заканчивалась.

— Ладно, Туманов. Давай прощаться. Вот это — тебе. — Он протянул капитану картонную коробку и на слабые попытки возражения достаточно жестко ответил: — Даже слушать не стану!

Из вагона спустилась привлекательная молодая женщина и, подойдя к офицерам, ласково взяла Туманова за руку. Офицеры обнялись, и Никита направился к вагону.

Женщина подошла к Векслеру, обняла его, прижав на мгновение к груди, и ласково поцеловала в щеку. Потом погладила, как бы сглаживая ладошкой невидимый поцелуй, и пошла следом за мужем к ступенькам тамбура.

Мужчины внимательно посмотрели ей вслед.

Паровоз дал последний сигнал и дернул состав. К вагону бежал опаздывающий молодой парень со свернутым пакетом из промасленной бумаги в руках.

Озорно улыбнувшись, Дробот резко развернулся и крикнул проводнице:

— С беляшами не впускать! И не спрашивать почему!

* * *

Войдя в купе и перекинувшись с женой парой фраз, Туманов аккуратно положил на столик и раскрыл коробку. Там лежала в рыжей кобуре «пушка» Векслера, две полные обоймы и картонная упаковка с надписью на этикетке «50 patronier 9x23 mm Steyr». Капитан отстегнул кнопку на полированной коже и достал массивный пистолет. Видно, что он прошел и Крым, и рым: воронение стерлось по всем выступающим деталям, а на ромбообразной насечке деревянных щечек рукоятки остались многочисленные отметины.

Дверь тамбура открылась.

— Вот и ваш сосед — думала, не успеет! — Проводница пропустила вперед старшего лейтенанта с танковыми эмблемами на погонах. На груди офицера располагалась наградная планочка, где ленточки нескольких медалей однозначно указывали на его фронтовое прошлое.

— Здравия желаю, товарищ капитан! — приветствовал он милиционера, с ходу поймав глазами пистолет на столе.

— Милости просим, — по-цивильному ответил ему Туманов, убирая подарок товарища.

— Хороший ствол, надежный. Правда, тяжелый, собака, и не очень удобный в перезарядке, — как бы извиняясь, проговорил старлей, забрасывая объемный брезентовый ранец под нижнюю полку.

— Ну, все... Зацепились мужики языками за оружие, — засмеялась супруга Туманова.

В дверях вновь показалась проводница.

— У вас еще один сосед будет, но тот уже в Валуйках сядет. Я вам пока чайку заварю... С лимоном! — добавила она.

— Дмитрий, — разобравшись с вещами, протянул капитану руку танкист.

Мужчины познакомились. Старлей оказался земляком, ехавшим домой после демобилизации.

— Вам хорошо, прямо до Чебоксар доедете. А мне от Кана-ша еще день на подводе плестись до Цивильска, если попутки не поймаю, — смеялся он.

— Чем займешься дома?

— Не думал еще, учиться надо. Что эти лейтенантские курсы, не трактористом же в совхоз...

— Так давай к нам? В УГРО... — испытующе посмотрел на собеседника капитан, еще раз пробежав глазами по награжденным ленточкам.

— Да тоже думал, но не знаю пока...

— Да-да, Т-34 потянул, как направили, а тут «не знаю»?

— Так там приказали, а тут самому надо выбрать — на всю жизнь.

— Это точно, — подтвердил Туманов. — На всю жизнь, не поспоришь...

* * *

Подходя к зданию областного УВД на улице 10-я линия, Векслер обратил внимание на милиционеров в фартуках, кра-сящих забор, который закрывал боковой проход к зданию.

Поздоровавшись с командовавшим работами Сретенским, поинтересовался:

— Где вы такую краску берете? — Он кивнул головой на глубокий, с явным фиолетовым отливом шоколадный цвет свежевыкрашенных плоскостей. — Половина Камброда с та-кими ставнями и палисадниками...

Областник в ответ хитро улыбнулся.

— Ты, Женя, просто человек непрактичный. Что ты будешь на гражданке делать — ума не приложу! Смотри. Берешь десятилитровое ведро сурика с паровозостроительного. Смешива-ешь с литром эмали кобальта с лакокрасочного... Готовченко!

— Ну ты даешь! — хмыкнул отставник.

— Только полковнику не рассказывай, — засмеялся вслед майор.

Поднявшись на второй этаж, Евгений Павлович по при-вычке без стука вошел к криминалистам.

— Всем привет, астрономы!

Его радостно встретили и усадили за стол напротив Эдуарда Константиновича. От чая Векслер отказался, внимательно приглядываясь к привычной обстановке.

Эдик, по обыкновению, тут же зарылся в бумаги. Зоя сидела за микроскопом. Рядом с мученическим выражением лица страдал над учебником ее одиннадцатилетний сын Коля. В глубине за дверью лаборатории возилась Зинка.

— Что учишь? Математику? — спросил он у мальчика.

— Если бы, — ответил тот и показал раскрытую хрестоматию. — Отсюда и досюда, — ткнул он пальцем в разворот.

— ...Под ним сидел, и кот ученый свои мне сказки говорил», — прочел милиционер. — Это очень легкие стихи. Ты умеешь что-либо более сложное?

Коля два раза неопределенно пожал плечами и с надутыми губами продолжил пытку зубрежкой.

— Ну стрелять, например, ты умеешь?

Зоя хмыкнула, озорно глянула на майора и снова нырнула в свои окуляры. Эдик, чуть приподняв бровь, отложил раскрытое дело и потянулся за бумагами в углу стола.

Мальчик, не сводя удивленного взгляда с милиционера, отрицательно помотал головой.

— Если хочешь, могу тебя научить, — продолжил Векслер.

— Дядь Жень, ты ж пистолет должен был сдать, — хихикнула, не отрываясь от своего микроскопа, криминалист-биолог.

— Ничего страшного, в нашем тире есть из чего выбрать, или у мамы ее ТТ возьмем...

— Зоя, я к Сретенскому, буду через полчаса... — кинул на ходу начальник криминалистической службы и, подхватив папку, ловко выскользнул из кабинета.

Та кивнула и подкрутила шкалу.

— Мама не даст... Велика радость — после работы переться в тир, а потом еще эту железяку чис... — Она вдруг, замерев на неуловимое мгновение, осеклась на полуслове. Наконец оторвавшись от окуляров, женщина ошарашенно уставилась на отставника: — Дядя Женя, ты серьезно?!

— Конечно. Постреляем, потом сходим куда-нибудь поужинаем. Не всю жизнь ведь в кабинетах чахнуть. — Он подмигнул мальчику. — Пойдем, Николай. На свежем воздухе маму обождем...

Когда они вышли, Зоя неподвижно просидела почти минуту, а потом, резко вскочив, заметалась по просторному помещению. Схватив вещи, кинулась к двери, но остановилась. Вернулась, открыла сейф, достала ремень с кобурой и портупеей, сунула все в сумку и, подскочив к дверям, крикнула в сторону лаборантской:

— Зина, я убежала!

— Хорошо, Зоя Михайловна!

Она еще мгновение постояла, потом, беззвучно шевеля губами, три раза подряд быстро-быстро перекрестилась на пустой угол напротив входа и выскочила за дверь...